

История из Касабланки

Автор:

Фиона Валпи

История из Касабланки

Фиона Валпи

Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи

Спасаясь от немецкой оккупации, двенадцатилетняя Жози вместе с семьей бежит из Франции в Марокко, чтобы там, в городе Касабланка, ждать возможности уехать в Америку. Жизнь в Касабланке наполнена солнцем, а пейзажи, запахи и звуки совсем не похожи на все, что Жози видела до этого. Девочка влюбляется в этот сказочный, яркий город.

Семнадцать лет спустя в город приезжает Зои. Ей, едва справляющейся с маленькой дочерью и проблемами с браком, Касабланка кажется грязным и унылым портовым городом. До тех пор, пока в тайнике под полом она не находит дневник Жози, которая знала Касабланку совсем другой. Теперь Зои может увидеть город глазами восторженной двенадцатилетней девочки. Но поможет ли это обрести надежду и излечить разбитое сердце?

Фиона Валпи

История из Касабланки

Моей подруге Лесли, которая умеет слышать не только слова, но и сокрытую в них правду.

Будь полотно небес отрезом шёлка,

Где вытканы лазурные чертоги,
Где золото зари и сумрак колкий —
Суть нити за серебряной иголкой, —
Я б кинул эту ткань тебе под ноги,

Я б разостлал, чтоб ты прошла, родная.
Но беден я, мечтою лишь владею.
И коль уж я других богатств не знаю,
Свою мечту тебе я расстилаю:
Ступай по ней, будь бережнее с нею.

У.Б. Йейтс[1 - “Aedh Wishes for the Cloths of Heaven” (1899), William Butler Yeats,
вольный перевод с англ.]

Fiona Valpy

THE STORYTELLER OF CASABLANCA

© 2021 Fiona Valpy Ltd

© Манучарова, М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Зои – 2010

Присаживаясь на мягкую кушетку в гостиной, Мэй МакКоннахи слегка
обмахивается маленькой брошюрой, которую принесла с собой.

– Не волнуйся, ты привыкнешь к жаре. И как только опять включают кондиционер, будешь чувствовать себя просто великолепно. Шарки всегда приносит с собой хаос. Вчерашняя песчаная буря стала настоящим мучением. У них есть отвратительная привычка отключать электричество в этих старых зданиях, – говорит она приятным низким голосом, с заметным ирландским акцентом, который так сочетается с ее каштановыми волосами и бледными веснушчатыми руками.[2 - Сухой, изнуряюще жаркий, пыльный ветер с порывами до 80 км/час.]

Жалюзийные ставни, которые пропускают достаточно света, даже будучи закрытыми, все же отбрасывают густую тень на мебель, защищая ее от яркого утреннего солнца Марокко. Несмотря на это, воздух в комнате горячий и тяжелый, и я изо всех сил стараюсь не расчесывать вновь вздувшиеся на руках красные папулы. Я надеялась, что переезд в более теплый климат поможет зажить моему дерматиту, однако, эффект, похоже, получился прямо противоположный. Пальцы распухли от жары, кожа на них кажется натянутой, а обручальное кольцо врезается в плоть. Проснувшись сегодня утром, я попыталась снять его, но сустав уже превратился в твердый, неподатливый комок, поэтому мне пришлось оставить эту затею и надеяться, что если я сегодня вечером опущу палец в холодную воду, это облегчит дискомфорт.

Знойный ветер, дующий со стороны пустыни, действует на нервы. Заполняя все бульвары и переулки города, мелкая сухая пыль шипит и шуршит, скользя по уже далеко не новым и залатанным городским тротуарам.

Мне чудится, что Мэй шепчет: «Тебе здесь не место!» Как будто мне нужно об этом напоминать...

Вошедшая к нам экономка ставит поднос с чайными принадлежностями на низкий столик между мной и моей собеседницей и кивает, когда я бормочу слова благодарности, мягко прикрывая за ней дверь.

Мэй ждет, прислушиваясь к тихому шлепанью кожаных туфель Алии, удаляющейся по коридору, а затем заговорщически произносит:

– Разве это не рай, когда есть прислуга? Не представляю, как мы сможем приспособиться и все делать сами, когда наша командировка закончится. Используй ситуацию по максимуму, пока есть возможность

Произнеся эти поучительные слова, Мэй начинает смеяться. Ее смех похож на звон стаканов на серебряном подносе, в которые я наливаю мятный чай. Взяв у меня один из стаканов с чаем, моя собеседница берет сумочку, лежащую на полу рядом с ней, достает красивый сверток и протягивает мне.

– Это лучшие медовые пирожные в Касабланке, – сообщает она. – Тебе повезло, что пекарня прямо на углу. Хотя... Если бы такая была рядом со мной, то прощай фигура! Слишком соблазнительно! Итак, большая часть информации, которая тебе понадобится, содержится в брошюре. – Она кладет ее на кофейный столик и пододвигает ко мне. – Составлена комитетом Клуба жен, и мы все поделились в ней важными деталями, чтобы помочь новичкам обосноваться. Здесь упоминается и пекарня, видишь?

Своим ярко-красным ноготком она указывает на соответствующую страницу, озаглавленную «Еда и напитки». Я вежливо слежу за ним, делаю вид, что изучаю список магазинов и ресторанов.

– И как-нибудь утром я проведу тебя по городу, чтобы показать все остальное, – продолжает она.

– Спасибо, – отвечаю я. – Это очень любезно с твоей стороны.

– О, не за что! – небрежно машет рукой Мэй, и я не понимаю, то ли она отмахивается от моей благодарности, то ли пытается расшевелить горячий тяжелый воздух. – Все это часть моей работы. Я состою в приветственном комитете. Всегда приятно знакомиться с новичками и помогать им освоиться. Марокко может поначалу немного шокировать, но вы здесь среди друзей. Мы, эмигранты, поддерживаем друг друга, потому что знаем, каково это – оказаться в новой, непривычной обстановке.

Всего два дня назад мы переехали в наше новое жилище – элегантный таунхаус во Французском квартале города, арендованный для нас транспортной компанией, в которой работает Том. Первую неделю в Касабланке мы провели в отеле. Перевозить нам пришлось не слишком много, только несколько чемоданов с самыми необходимыми вещами. Мы не стали ничего увозить из нашего дома в Бристол, чтобы иметь возможность наведываться туда всякий раз, когда у Тома случится отпуск. И еще – чтобы безболезненно туда вернуться через пять лет, когда его назначение закончится и он, скорее всего, снова

станет работать в офисе в Эйвонмуте.[3 - Пригород Бристоля.]

Отдел кадров предложил нам вариант меблированного жилья, и поскольку, честно говоря, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы тратить их на обустройство с нуля в совершенно чужом месте, я счастлива возможности пользоваться чужой мебелью. Вещи здесь старые и немного потрепанные, но хорошего качества.

– У тебя есть все необходимое? – осведомляется Мэй, окидывая комнату оценивающим взглядом.

– В основном, думаю, да. Если нам понадобится что-то дополнительно, мы всегда сможем это купить.

– Конечно! – соглашается она, перелистывая страницы буклета. – Вот раздел о магазинах товаров для дома, которые доставляют. В действительности лучшее место для покупок – это торговый центр.

Я отхлебываю свой чай. И с удивлением обнаруживаю, что он освежает. Затем обращаю внимание на маленький сверток, развязываю скрученные ленты и снимаю обертку, открывая золотистые бисквитные пирожные с миндалем, который блестит под медовым сиропом.

– Спасибо за сладости, это действительно очень любезно с твоей стороны, – благодарю я и протягиваю ей коробку, а также тщательно выглаженную льняную салфетку, которую Алия принесла вместе с чайным подносом. Я вижу, что Мэй очень старается не поморщиться, когда замечает состояние моих рук. Моя грубая, морщинистая кожа и неровно обгрызенные кутикулы резко контрастируют с ее изящным маникюром.

Мэй права, маленькие пирожные просто восхитительны, хотя из-за жары у меня нет никакого аппетита. Она продолжает свой рассказ, описывая социальную программу в Зарубежном клубе, где проводят свое свободное время все эмигранты: играют в теннис, плавают и общаются. Завтра вечером там намечается коктейльная вечеринка, устроенная компанией Тома, чтобы поприветствовать нас. Все так добры к нам! Хотя мысль о том, что мой муж будет находиться в помещении, в котором предполагается огромное количество выпивки, да еще в присутствии своих новых коллег и их партнеров, наполняет меня ужасом. Надеюсь, на публике Том сможет побороть свое пагубное

пристрастие и будет оценен людьми, от которых зависит его карьера. А мне, как обычно, просто придется сохранять бдительность.

Не обращая внимания на мою озабоченность, Мэй продолжает болтать без умолку:

– На следующей неделе я с несколькими девушками организую обед в клубе. И позвоню тебе договориться о подходящем утре, чтобы показать тебе все вокруг. – Она бросает на меня оценивающий взгляд, возможно, понимая, что мой вежливый энтузиазм немного натянут. – Не беспокойся. Переезд всегда вызывает стресс. Конечно, требуется несколько недель, чтобы адаптироваться. Мы все через это прошли. Но ты скоро освоишься. По большому счету, Каса – неплохое место.

Я искренне благодарна ей за то, что она такая приветливая, но она не дура и, вероятно, чувствует мою рассеянность. Непреодолимое желание вымыть руки нарастает во мне по мере того, как я обдумываю перспективу посещения всех этих мероприятий. Я знаю, что это иррационально. Знаю, что это реакция на чувство тревоги и потери контроля. Но это непреодолимый рефлекс, и ему легче поддаться, чем бороться с ним. Мне также не терпится подняться наверх, в детскую, чтобы закончить распаковывать игрушки и одежду Грейс. На верхнем этаже дома, в этом мирном пространстве мне спокойнее, и хотелось бы находиться там, когда моя маленькая дочь проснется после утреннего сна, чтобы она не была одна в этом странном новом доме. Вполуха слушая Мэй, рассказывающую о книжном клубе и других предлагаемых группах по интересам, я представляю, как улыбается Грейс, увидев меня, как я обнимаю ее и мое сердце наполняется радостью от ее радостного смеха. Однако, когда Мэй упоминает о ремесленном клубе, я снова включаюсь в беседу.

– А они занимаются квилтингом? – интересуюсь я. – У меня есть идея, которую очень хочется реализовать, но я никогда ничем подобным не занималась.[4 - Стежка, выстегивание, подбивка (англ.). Объединяет в изделиях несколько техник: лоскутную вышивку, различную стежку, аппликацию.]

– По-моему, есть что-то в таком роде, – говорит Мэй. – Лично я безнадежна в подобных вопросах, у меня руки-крюки и совершенно нет терпения для занятия рукоделием в любой форме. Но я прослежу, чтобы на нашем обеде была Кейт. Она искусная мастерица, так что сможет рассказать обо всем подробнее.

– Было бы здорово. А где можно купить ткань и нитки?

– Ой, ты действительно спрашиваешь не ту женщину! Полагаю, ларек с подобным товаром можно найти в квартале Хабус. Я поинтересуюсь.[5 - Квартал Хабус, или Новая Медина, построен французами в 1930-х гг.]

Из-за ставен доносится призыв к молитве, резонирующий в жарком утреннем воздухе. Мэй вытирает остатки меда с пальцев и смотрит на часы.

– Что ж, мне пора. Нужно успеть кое-что купить до закрытия магазинов. И у тебя, думаю, немало дел. Не хочу тебя отвлекать.

Она одаривает меня доброй улыбкой и обнимает, когда я провожаю ее в сияние света и тепла. Во французском nouvelle ville[6 - Ville nouvelle, Новый город (франц.) – в рамках Французского протектората, учрежденного в 1912 г., был разработан радиоцентрический план Касабланки, разделивший город на ville indigene, где будут жить марокканцы, и ville nouvelle для европейцев.] улицы представляют собой широкие бульвары, где вездесущие финиковые пальмы изредка перемежаются платанами, ветви которых в это время дня отбрасывают на тротуар концентрированные пятна густой тени. Но по мере продвижения к океану улицы сужаются, а здания становятся ниже, втягивая вас в запутанное сердце Медины, старого арабского квартала. За ним раскинулись доки, откуда из кабинета Тома открывается вид на один из крупнейших морских портов африканского континента. Муж контролирует движение судов компании и следит за погрузкой и выгрузкой скобящихся небо штабелей контейнеров.

Я понимаю, что у нас будет время изучить все это позже, как только этот безжалостный, беспокойный ветер снова утихнет. А пока я на прощание машу Мэй и поднимаюсь по лестнице на верхний этаж дома. Смываю с рук липкие следы пирожных и дважды тщательно протираю их, прежде чем войти в комнату Грейс. Стоя у окна, наблюдаю за тремя горлицами, которые, похоже, считают эти черепицы своими владениями: они взъерошивают перья и дружелюбно воркуют друг с другом.

За шифером просматривается тянущаяся до самого моря беспорядочная вереница плоских крыш. Минареты мечетей взмывают над ними в бесконечную синеву североафриканского неба.

Мы приехали сюда, чтобы начать все с начала. Но вместо надежды я чувствую пустоту. Это город, расположенный на краю океана разбитых мечтаний, обветшалый и продуваемый всеми ветрами; его некогда прекрасные улицы теперь выглядят убого. Голливудский гламур времен Богарта и Бергман давно исчез, теперь от него остались лишь далекие воспоминания.

Этот город кажется мне концом света.

Зои – 2010

У каждого дома свой собственный лексикон. По ночам, когда город снаружи наконец замолкает на несколько коротких часов, а темнота, тяжелая, как бархат, окутывает крыши, наш новый дом на бульваре Оазо бормочет и вздыхает сам по себе. Я лежу без сна, вслушиваясь, пытаюсь расшифровать этот новый язык скрипов и щелчков. Возможно, через месяц или два привычка заставит звуки отойти на задний план, но сейчас я внимательно прислушиваюсь к каждому. На кровати рядом со мной крепко спит Том.

Мои мысли все еще гудят после коктейльной вечеринки в клубе. Бесчисленные разговоры и множество новых знакомств усилили мою обычную тревожность из-за пребывания в социуме. Для меня это всегда тяжелое испытание. А еще требовалось быть настороже, чтобы Том не перебрал с алкоголем и не достиг той точки, когда он из очаровательного и экспансивного мужчины превращается в беспомощного идиота с заплетающимся языком, натыкающегося на окружающих. Это мероприятие было весьма изнурительным, и сейчас я чувствую сильную усталость и одновременно слишком взвинчена, чтобы уснуть. Теперь, когда все закончилось, думаю, можно сказать, что вечеринка удалась. У нас получилось изобразить целеустремленную молодую пару, взволнованную новыми возможностями, которые сулит это назначение. Том оправдал ожидания и хорошо справился со своей ролью, его босс казался довольным, излучал одобрение, когда смотрел на меня, стоявшую рядом с мужем. Должно быть, я выглядела как самая настоящая корпоративная жена, хотя на самом деле все время активно сопротивлялась желанию убежать в ванную, чтобы снова и снова мыть руки.

Том слегка шевелится, но не просыпается. Расстояние между нами – это широкий океан, который никто из нас не осмеливается пересечь. Я слышу его спокойное дыхание и завидую его забытью. Я знаю, что он много работает на своей новой должности и каждый день возвращается из офиса сильно уставшим. Но порой входит в дверь оживленным больше обычного, и я чувствую исходящий от него мускусный запах виски.

Половицы в комнате над нами – спальне Грейс – время от времени ритмично потрескивают, это дерево сжимается в прохладе ночи. Я вспоминаю, что завтра нужно найти молоток и попробовать что-то придумать с расшатанной доской, скрытой берберским ковром посреди детской. Она громко скрипит, когда я наступаю на нее, а мне очень не хочется тревожить сон Грейс.

В какой-то момент, убаюканная ритмом дыхания мужа, я наконец погружаюсь в глубокий сон. Когда же песня муэдзинов будит меня, я обнаруживаю, что кровать рядом со мной пуста. Том любит бегать, и лучшее время – на рассвете, до того, как станет слишком жарко и он погрузится в работу. И действительно, завязывая пояс своего шелкового халата, я замечаю, что под стулом, стоящим с его стороны кровати, нет кроссовок. Он вернется, чтобы смыть пот, надеть рубашку и галстук и быстро позавтракать, перед тем как отправляться в свой офис в доках. А я тем временем пойду и разбужу Грейс, вытащу ее из кровати и покрою ее улыбающееся личико поцелуями. Так начнется очередной день.

Как только Том уходит, меня охватывает беспокойство, подпитываемое двумя чашками крепкого кофе, которые я выпила после утреннего перекуса, состоявшего из фруктов и йогурта. Поэтому я пристегиваю детский слинг, убеждаюсь, что зажимы надежно закреплены, и отправляюсь на прогулку. У меня нет четкого представления о том, куда пойти, но мои ноги, привычно огибая стены медины, поворачивают к океану. Сегодня после нескольких дней непрекращающихся, изматывающих нервы порывов ветер стих, принеся долгожданную тишину. Чтобы защитить Грейс от солнца, я накинула на плечи легкую шаль. Морской бриз играет с ее краями, заставляя бахрому трепетать. Наконец мы добираемся до корниша с его пляжными клубами и рядами пальм, верхушки которых раскачиваются на ветру, и я сдвигаю солнечные очки на макушку, чтобы насладиться видом золотого песка и океана. Вблизи вода залита светом, но далекая линия горизонта – густого синего цвета. Я показываю Грейс волны. Сначала она немного настороженно наблюдает за атлантическими валами, за тем, как они заворачиваются и обрушиваются на берег. Но решив, что ей нравится это зрелище, агукает и одобрительно машет ручками.[7 - Одно из

древнейших приспособлений для ношения маленького ребенка. Иногда называют бэби-слингом или лоскутным держателем.][8 - В ряде языков – дорога, проходящая по горному склону, причем с одного конца в гору, а с другого – под гору.]

– Да, знаю, знаю, – говорю я ей. – Это чудесно, правда? Нам нужно найти хороший тихий пляж, чтобы отвезти тебя туда, где мы сможем немного поплескаться. А еще купим ведро и лопатку, и я построю тебе огромный замок из песка, подходящий для принцессы.

Я чувствую подъем, оттого что прошла так далеко и добралась до корниша своим ходом. Большая часть города обветшавшая и полуразрушенная, поэтому вид пляжа и сверкающего океана улучшает мне настроение. Возможно, я все-таки смогу привыкнуть к жизни в этом новом месте. Я напоминаю себе, что мне повезло жить в богатом районе и иметь помощницу по хозяйству, Алию. Хотя для меня присутствие в доме экономки – роскошь, и из-за этого я чувствую себя не слишком комфортно. Но, похоже, она гордится тем, что содержит дом в чистоте и порядке, и наслаждается приготовлением пищи. Поэтому я полагаю, что ей нравится ее работа. Поначалу я думала, что мне будет не по себе от присутствия в доме человека, которого я едва знаю, но Том работает так много и так подолгу отсутствует... В общем, ее компания мне даже приятна.

Я смотрю, как волны накатывают на берег, и обнаруживаю, что бессознательно покачиваюсь в такт их ритму, укачивая Грейс, счастливо лопочущую в слинге.

Поворачивая к дому, опускаю солнечные очки на лицо и поправляю шаль, защищая пушистую головку Грейс. Пройдя достаточно большое расстояние, я осознаю, что солнце неуклонно поднимается над головой, его лучи становятся все яростнее с каждой минутой. Мои ступни опухли и болят от горячих твердых тротуаров, а кроссовки натирают пальцы ног. От шума уличного движения у меня раскалывается голова, и я, ощущая себя абсолютно беззащитной, мечтаю о спасительном таунхаусе с его затененными комнатами и стакане прохладной воды из холодильника. Я спешу. Будь у меня несколько дирхамов, можно было бы остановить одно из маленьких красных такси, которые носятся по городским улицам, и меня высадили бы у моей двери, однако я вышла без денег. Яркий солнечный свет, отражаясь от окружающих нас белых стен, кажется, удваивается по интенсивности, и я проклиная свою глупость. Грейс не должна находиться на улице в такую жару – о чем я только думала?! Она начинает хныкать, чувствуя мое беспокойство. В моей груди нарастает паника. В отчаянии

я ныряю в узкий переулок, надеясь, что он обеспечит более тенистый короткий путь через медину. Но вокруг сплошные углы побеленных стен и повороты, и я быстро теряю ориентацию. Непреодолимое желание вернуться в безопасный дом переполняет меня. Я уже почти бегу – в ужасе, понимая, что заблудилась. У меня перехватывает дыхание. Переулок изгибается и снова поворачивает, на меня оглядываются, ко мне тянутся чьи-то руки, дергают меня за шаль, просят денег, уговаривают что-нибудь купить. Шум голосов оглушает меня: бегают дети, пиная футбольный мяч, громко переговариваясь друг с другом, торговцы, толкающие ручные тележки, выкрикивают названия товаров. Мальчик на мотоцикле проносится мимо, слишком близко, рев его двигателя заставляет меня подпрыгнуть. В тревоге я чуть не спотыкаюсь о козу, поедающую мусор в канаве, она поворачивается и смотрит на меня обескураживающе-пустым взглядом. Мужчина, кожа на лице которого похожа на тисненую, открывает рот в беззубой ухмылке и предлагает мне странно выглядящий сморщенный корень из потрепанной шкатулки черного дерева, которую держит в руках. Я уклоняюсь от его протянутой руки, вспоминая предупреждение в брошюре, которую дала мне Мэй: ходить по медине без гида не рекомендуется; остерегайтесь карманников.

А потом из дверного проема прямо передо мной выходит женщина, я втыкаюсь в нее и торопливо извиняюсь. Она оборачивается, из-под аккуратных складок платка на меня смотрят ее глаза, расширяющиеся по мере того, как она меня узнает.

– Алия! – Я задыхаюсь, чуть не плача от облегчения.

– Миссис Харрис, с вами все в порядке? Что вы здесь делаете?

– Я вышла прогуляться и заблудилась.

Она улыбается, на мгновение успокаивающе кладя руку мне на плечо.

– Ну, вы недалеко от дома. Пойдемте, я покажу вам дорогу, я как раз иду к вам. Мы можем прогуляться вместе.

Мое сердце перестает колотиться, когда она выводит меня из медины, через похожую на замочную скважину, узкую арку в древней стене, и внезапно мы снова оказываемся на более широких улицах Нового города в стиле ар-деко. Я

замечаю булочную на углу, и мы сворачиваем на бульвар Оазо. Мои руки все еще немного дрожат, когда я вставляю ключ в замок, но Алия стоит на почтительном расстоянии, так что я не уверена, что она это заметила.

Напряжение отпускает, как только я переступаю порог. Снимаю кроссовки и с облегчением вздыхаю, когда мои ноющие, опухшие ноги встречаются с гладкой прохладой мозаичного пола в прихожей. Алия закрывает за нами дверь, спасая от яростного солнечного света.

– Принести вам воды со льдом и с лимоном? – говорит она.

Я благодарно киваю.

– Пожалуйста, поставьте ее в гостиной. Я подойду туда.

Я спешу вверх, в детскую, чтобы успокоить Грейс, трижды мою руки, прежде чем переодеть ее, вытереть личико прохладной тканью и уложить спать. Биение моего сердца постепенно замедляется, и теперь, когда я снова в безопасности дома, мне немного спокойнее, чувство подавленности отступает. С чего я вообще решила, что смогу самостоятельно ориентироваться в этом новом городе, в этой новой жизни?

Пока я осторожно двигаюсь по комнате, убирая вещи, расшатанная доска скрипит под моими ногами, громко протестуя. Я откидываю выцветший ковер и вижу, что половица искривилась и с одной стороны отошла от соседней. Осторожно давлю, надеясь вернуть ее на место, однако доска не поддается. На одном конце есть отверстие, достаточно большое, чтобы просунуть в него палец. Дерево немного шершавое и поначалу сопротивляется, но я тяну сильнее и вытаскиваю половицу, морщась и ворча себе под нос, потому что в больную кожу вокруг моего ногтя впивается заноза. В образовавшейся дыре виднеется маленькая коробочка и записная книжка в кожаном переплете, покрытые десятилетиями пыли. Я аккуратно вынимаю их, потирая шкатулку большим пальцем, чтобы разглядеть инкрустацию из перламутра, и слышу слабый аромат сандалового дерева, словно тихий вздох облегчения после долгих лет заключения. Я заинтригована этой находкой. Что это – забытый клад с сокровищами? Давно ли он здесь спрятан? Годы? Десятки лет? Я вытираю коробочку подолом рубашки, и геометрический узор начинает слабо поблескивать в моих руках, словно жемчужные капли лунного света.

Я легко открываю крышку и обнаруживаю внутри несколько предметов. Вынимаю их один за другим и кладу на ковер. На запутанной золотой цепочке – Звезда Давида, тонкая, как нить паутины, а также перо кораллового цвета и кусочек нефритово-зеленого морского стекла, отполированного океанской волной до округлой гладкости. Дальше – сложенный лист бледно-голубой писчей бумаги, на котором еще можно разглядеть выцветшую подпись, сделанную чернилами цвета сепии. И полая деревянная палочка с вырезанной на одном конце выемкой. Я подношу ее к губам и тихонько дую. Ничего не слышно. Но когда я регулирую угол и дую снова, она издает нежный печальный звук, напоминающий воркование горлицы, вторящий голосам птиц, которые гнездятся за окнами комнаты Грейс.

Очень осторожно, гадая о значении каждого предмета, я складываю эту небольшую коллекцию артефактов обратно в шкатулку и только потом обращаю внимание на записную книжку. Ее кожаная обложка, высохшая в тайнике под полом от воздействия горячего сухого воздуха, тоже покрыта толстым слоем пыли. Но все равно видно, как прекрасно она обработана. Я медленно провожу кончиками пальцев по сложным завитушкам и с любопытством открываю блокнот. Похоже, это какой-то дневник, исписанный округлым почерком. Перевернув первую страницу, читаю надпись:

«Этот дневник принадлежит Жозиане Франсуазе Дюваль.

Личный».

Внизу нацарапано, словно запоздалая мысль, и дважды жирно подчеркнуто:

«РУКИ ПРОЧЬ, АННЕТ!»

Я невольно оглядываюсь, словно боюсь, что кто-то наблюдает за мной. Судя по слою пыли, эти предметы были намеренно скрыты от посторонних глаз в течение долгих, долгих лет. Должна ли я показать находку кому-нибудь? Может быть, Алие или Тому, когда он вернется домой сегодня вечером? Но нет, моя интуиция подсказывает мне держать все в секрете. Перелистываю следующую

страницу блокнота и замечаю вверху дату: 1941 год. Я никогда не была одной из тех людей, которые заглядывают в конец книги, чтобы узнать, что произойдет в финале, а сейчас сопротивляюсь желанию сделать это. Однако у меня не хватает силы воли, чтобы не начать читать чей-то личный дневник. Пытаюсь оправдаться, говоря себе, что около семи десятилетий он лежал в тайнике и его никто не открывал, и именно я обнаружила его. Что законного владельца дневника давно нет. Несколько виновато применяя принцип «кто нашел, тот и взял», я чувствую, что теперь сама назначила себя хранителем этих артефактов. Мне нужно узнать больше, разгадать тайны, которые они скрывают, прежде чем я покажу их кому-нибудь еще. Являются ли они просто случайным нагромождением предметов или рассказывают историю? Очень надеюсь получить ответ в дневнике. В любом случае, аккуратно укладывая все в шкатулку, я понимаю, что нашла для себя желанное развлечение.

Я возвращаю половицу на место (теперь она вставляется немного легче; возможно, тайник с сокровищами, который она скрывала, раньше мешал ей), затем натягиваю на нее ковер. Грейс крепко спит, лежа на спине, беззаботно раскинув ручки, будто и не было наших утренних приключений. Я забираю коробочку и блокнот и тихо спускаюсь вниз.

Алия поставила поднос на стол в гостиной. Кувшин с ледяной водой, приправленной мятой и лимоном, запотел от конденсата, и маленькие холодные капли попадают мне на руку, когда я наполняю свой стакан. Сажусь на диван, поджимаю ноги под себя и, испытывая еще один легкий укол вины за то, что сую свой нос в чужой личный дневник, начинаю читать.

Дневник Жози – среда, 1 января 1941 года

Мои новогодние решения

Я, Жози Дюваль, настоящим решаю:

Писать на английском языке, чтобы практиковаться для жизни в Америке.

Перестань грызть ногти.

Быть милой с Аннет, даже когда она не слишком любезна со мной.

* * *

Папа подарил мне этот дневник на Рождество. Мы празднуем его, потому что он католик, хотя и говорит, что практически перестал им быть, когда влюбился в одну красивую еврейку. Другими словами, в маму. Но он все еще любит праздновать Рождество. Мы также зажигаем ханукальные свечи, хотя мама тоже перестала быть иудейкой. Папа шутит, что мы берем лучшее из обоих миров и тем самым перестраховываемся.

Я собираюсь стать писательницей, когда вырасту, так что этот дневник – хороший способ начать мою карьеру, хотя мне еще нет и 13 лет.

Я ТАК люблю читать! Аннет говорит, что я не по годам развита, потому что постоянно сижу, уткнувшись носом в книгу. Она, напротив, редко читает что-то более утомительное, чем последний журнал о голливудских фильмах. Но я предпочитаю быть не по годам развитой, нежели не переставая думать о кинозвездах, парнях и прическах.

Я могу прочитать целую книгу всего за день, если меня не слишком часто прерывают такие раздражающие вещи, как необходимость убирать свою комнату и ходить по магазинам с мамой и Аннет. Когда мы уезжали из Парижа, мне разрешили взять с собой только одну книгу. Другие забрать не получилось – они были слишком тяжелыми, и в багажнике уже не оставалось места из-за вещей Аннет. Было ужасно выбирать и оставлять свои любимые книги. Это был единственный раз, когда я плакала. Я взяла «Басни» Лафонтена, принадлежавшие папе, когда он был еще мальчиком, и благодаря которым я научилась читать. Я так хорошо обращалась с этой книгой, что на ней до сих пор сохранилась бумажная суперобложка с изображением Городской Мыши и Сельской Мыши. Я читала ее так часто, что знаю большинство басен наизусть. Теперь, когда мы обосновались в нашем новом доме, мне нужно будет попытаться раздобыть еще несколько книг.

Сейчас мы живем в Касабланке, и в этом году было очень странное Рождество. Здесь жарко и солнечно даже зимой, и у нас было очень мало подарков. Такое чувство, что мы достигли черты и, если сделаем еще один шаг, упадем с края в океан. Я вижу его мельком из окна своей спальни вдалеке, за городскими

крышами, – широкую голубую Атлантику. Так близко и в то же время так далеко. Мы ждем здесь корабль, который доставит нас в Португалию, а оттуда мы сможем добраться до Америки. Нам просто нужно привести в порядок бумаги. Мама говорит, что на это уйдет целая вечность.

Париж кажется ужасно далеким. Так оно и есть. Мы проехали более 2000 километров, чтобы добраться сюда, и еще около 6000 предстоит проделать, чтобы добраться до Америки, так говорит папа. Я даже представить себе не могу, каково это – преодолеть такое расстояние, хотя помню глобус на библиотечной полке дома и то, как заставляла его вращаться, проводя пальцем по изогнутому пустому пространству синего цвета с надписью Ocean Atlantique. Жаль, что глобус был слишком велик, чтобы взять его с собой. Он, вероятно, пригодился бы сейчас, когда мы путешествуем по всему миру.

Интересно, где сейчас дядя Жозеф, тетя Полетт и их мальчишки? Они тоже путешествуют. Раньше они жили в Эльзасе, недалеко от границы с Германией, но за несколько недель до нашего отъезда мама получила от них письмо, в котором говорилось, что они решили собрать вещи и уехать, потому что там становится очень опасно для еврейских семей. Мы не знаем, куда они направились. Но я надеюсь, что они тоже на пути в Америку. Мне бы хотелось снова увидеть их там, несмотря на то что мои двоюродные братья иногда самые надоедливые люди на Земле. Когда они приезжали навестить нас в Париже, меня всегда заставляли развлекать их и делиться своими книгами и игрушками, хотя они намного младше меня, в то время как Аннет разрешали сидеть в гостиной со взрослыми, с самодовольным видом потягивая чай.

Наш нынешний дом на бульваре Оазо на вид очень похож наш старый в Нейи, только немного меньше и намного более пыльный. А вот пахнет здесь по-другому: потом, жарой, специями и гниющим мусором, который валяется на улицах. Когда мы выходим, я не обращаю на это внимания, зато Аннет морщит нос и выглядит так, словно ее вот-вот вырвет. Здесь намного лучше, чем в лагере беженцев. Думаю, даже Аннет должна согласиться с этим. Многие указатели написаны на французском языке, поэтому мы без труда их читаем. Марокко является протекторатом Франции. По крайней мере, так было до тех пор, пока Францию не захватили немцы, так что теперь, полагаю, Марокко тоже контролирует Германия. Папа говорит, что в Виши есть новое правительство, которое несет ответственность и за это, но это не настоящее французское правительство. По улицам ездят немецкие армейские грузовики, видеть их довольно страшно, но они не слишком беспокоят таких людей, как мы. Вместе с

итальянцами они должны защищать пустыню от англичан, которым принадлежат некоторые другие части Северной Африки. Поэтому немцам нет дела до беженцев, пока мы просто проездом и не создаем никаких проблем.

Мама говорит, что «просто проездом» – это относительный термин. Некоторые люди находятся здесь уже почти год, пытаюсь привести в порядок свои бумаги. Нам понадобятся выездные визы из Марокко, а затем транзитные визы в Португалию и въездные визы в Америку. Папа жалуется, что попытка собрать все эти документы приводит к тому, что у него выпадают волосы. Сейчас они совсем белые и сверху определенно поредели, так что, возможно, он прав. Нам повезло, что родители мамы были американцами. Благодаря этому у нас есть родственники, которые помогут, когда мы туда доберемся. И только теперь я осознала, как же хорошо, что она, когда мы были маленькими, научила нас говорить по-английски столь же хорошо, как и по-французски. Хотя в то время это немного раздражало и Аннет постоянно смеялась надо мной из-за того, что я путала слова.

Я выбрала себе комнату на верхнем этаже дома. Здесь, наверху, у меня есть своя маленькая ванная, и мне не приходится ждать целую вечность, пока Аннет торчит в большой ванной внизу. Она такая эгоистка! Мама говорит, что виной тому ее возраст и что когда мне исполнится 17, я тоже буду тратить массу времени на мытье волос и подпиливание ногтей, хотя я не думаю, что когда-нибудь стану такой самовлюбленной. В любом случае я грызу ногти, так что мне просто нечего подпиливать.

Аннет даже начала выщипывать брови, чтобы походить на Хеди Ламарр, фото которой она видела в киножурналах. Мне кажется, что из-за этого моя сестра выглядит так, будто все время удивлена.

Аннет любит утверждать, что она на 5 лет старше меня, но это не так, всего лишь на 4 года и 7 месяцев. Все последние дни она только и делает, что тоскует по Эдуарду, конечно, когда не моет голову и не подпиливает ногти. В Париже он водил ее на танцы, а когда пришли немцы, его семья осталась в городе. Аннет говорит, что нам тоже следовало остаться, потому что, несмотря на слухи, будто бы немцы собираются бомбить Париж, этого не произошло, и папин банк теперь снова открылся. Правда, вместо него главным назначили мсье Альберта. Однако возвращаться сейчас все равно было бы слишком рискованно. Евреям во Франции, безусловно, не рады, даже ненастоящим.

Аннет рассмеялась, когда я выбрала себе спальню в мансарде, и сказала, что это помещение для прислуги и что там мне самое место, вот только мне все равно. Здесь, наверху, – мое личное пространство. В настоящее время мы не можем позволить себе слуг, но у нас есть экономка Кенза, потому что ее услуги включены в арендную плату. Она живет в собственном доме в медине и приходит каждый день. У нее есть дочь примерно моего возраста по имени Нина, и иногда она тоже приходит. Мы болтаем по-французски, и я думаю, что она могла бы стать моим другом.

Мне очень нравится Кенза. У нее мудрые и добрые глаза, а также очень плавные изгибы под длинными одеждами, которые она носит. Кенза готовит для нас очень вкусные блюда и печет пирожные. Если я заглядываю к ней на кухню, она всегда дает мне маленький кусочек медового пирога, горячего, прямо из духовки. Она называет меня Хадар Ини, что означает «зеленые глаза» на дарижи – арабском диалекте, на котором говорят в Марокко.

Аннет говорит, что иметь зеленые глаза – плохо, потому что это означает, что я завистливая, а зависть – один из семи смертных грехов. Но я уверена, что на самом деле она завидует, потому что ее глаза скорее коричнево-карие, как у папы, а ей хотелось бы, чтобы они были прозрачно-зелеными, как у меня и мамы.

Мне нравится мой новый дневник. Папа сказал, что он пригодится мне, чтобы написать историю своей жизни. Он знает, что я хочу быть писателем, и посоветовал записывать свои мысли, потому что тогда не придется все время носить их в голове, и это может помочь мне не видеть так много плохих снов. Это мой лучший рождественский подарок. В этом году мы купили платье из шелка, потому что большой сундук со всей нашей хорошей одеждой пропал где-то в Марселе или, может быть, по дороге в Алжир. Во всяком случае, мы не обнаружили его, когда сошли с парохода в Оране. Мама говорит, что нам нужно будет что-то надевать, когда мы начнем выходить на улицу, теперь, когда у нас снова настоящий дом. Потому что единственное, что есть в Касабланке, – это общественная жизнь. Отели и бары полны людей, многие из которых живут и работают здесь, а другие всего лишь проездом, как и мы. В субботу днем в отеле «Эксельсиор» даже устраивают чайные танцы, так что это может немного взбодрить Аннет. Несмотря на то, что у меня красивое платье и оно, судя по всему, стоило немало, это немного скучный подарок. Новая записная книжка и маленькая корзиночка с засахаренным миндалем – было бы куда лучше.

А сейчас я собираюсь лечь спать. Вчера мы засиделись допоздна, чтобы отпраздновать наступление нового года. Я надела это самое платье, и мне разрешили выпить бокал шампанского. На самом деле это было не так вкусно, как лимонад, но все подняли из-за этого большой шум, так что я притворилась, что мне нравится. Это тоже начало нашей новой жизни. Мне было грустно покидать Францию, но меня взволновало то, что я еду в Америку, чтобы встретиться там со своими двоюродными братьями и сестрами. Может быть, когда война закончится, мы вернемся в Париж и я снова увижу своих друзей. Полагаю, многие из них тоже уехали. Надеюсь, что с ними все в порядке и у них, как и у нас, есть безопасное место, куда можно отправиться. Сейчас я мысленно посылаю им добрые пожелания. Надеюсь, теперь, когда начала записывать все в свой дневник, я буду хорошо спать ночами. Спокойной ночи!

Зои - 2010

Телефонный звонок выдергивает меня из мира Жози, возвращая в мой собственный. Я неохотно откладываю дневник в сторону и иду, чтобы ответить. Это Мэй.

- Просто хочу узнать, как дела. Как обустраиваетесь? Тебе стало спокойнее?

Кажется, слово «спокойнее» не слишком подходит к моему состоянию. Утренняя прогулка сильно поколебала мою уверенность в себе, заставила осознать, насколько я здесь не в своей тарелке, и оставила стойкое впечатление, что я никогда не освоюсь в этом новом месте. Кроме того, дневник Жози приоткрыл дверь в другой мир, о существовании которого я и не подозревала. Если не считать просмотра знаменитого фильма, у меня, наверное, и не имелось поводов задумываться о том, какой была Касабланка в годы войны. Я с тоской смотрю на блокнот в кожаном переплете, лежащий на кофейном столике. Мне не терпится продолжить чтение, чтобы узнать больше о судьбе Жози и ее семьи в те непростые времена. Но в данную минуту я благодарю Мэй и заверяю ее, что у меня все хорошо.

- Великолепно, я рада это слышать, - отвечает она. - Я звоню сообщить, что мне удалось организовать нескольких девушек на обед в Клубе в следующую среду. Надеюсь, ты не передумала? Кейт тоже приедет, и она будет рада поговорить с

тобой о проекте по квилтингу, о котором ты упоминала. Она в восторге, что на борту появился еще один мастер. А как-нибудь перед этим было бы неплохо прокатиться по городу, я покажу, где что находится, как и обещала. Потом мы могли бы выпить по чашечке кофе. Ты свободна завтра утром?

– Это было бы чудесно, – соглашаюсь я, ничуть не кривя душой. Как бы я ни была рассеяна в эти дни, я понимаю, что произвожу впечатление сдержанного и неприветливого человека. Человека, к которому трудно испытывать теплые чувства, человека, который так не похож на теплую, беззаботную женщину, какой я была раньше. И я искренне благодарна Мэй за усилия, что она прилагает, дабы помочь мне адаптироваться к жизни эмигранта. Неплохо встретиться и с ее друзьями, чтобы принять участие в делах за пределами этого дома. Уверена, Тому это понравится. Я представляю, как расскажу ему обо всем сегодня вечером за ужином, преподнося новость словно подарок. На мгновение выражение его лица расслабится в улыбке от осознания, что я действительно стараюсь включиться в общественную жизнь. Но потом между нами снова воцарится тишина, он потянется за бутылкой, нальет себе еще один бокал вина, и тьма забот снова накроет его, как стая ворон.

Несмотря на предчувствие, что обед будет чем-то вроде испытания, я с нетерпением жду встречи с другими женами. Возможно, они знают что-нибудь об истории Касабланки, смогут рассказать мне больше о том, каким был бы город во времена Жози.

Я вешаю трубку, договорившись созвониться с Мэй завтра в восемь тридцать утра. Алиа тихо стучит в дверь.

– Миссис Харрис, могу я забрать поднос?

– Да, спасибо. И, Алиа, пожалуйста, зови меня Зои. Когда ты произносишь «миссис Харрис», мне представляется, что где-то в комнате находится моя свекровь. – Мой голос кажется мне натянутым, я слишком стараюсь. Снова возникает чувство неловкости из-за того, что у меня есть экономка, хотя я прекрасно справилась бы с хозяйством без чьей-либо помощи. В конце концов теперь у меня нет работы и я вступила в ряды светских дам-эмигранток. Но Алиа – настоящее благословение, с ее восхитительной стряпней и тем, в какой чистоте она содержит дом. Мне бы это вряд ли удалось. Без сомнения, ей можно доверить нянчиться с Грейс. И на самом деле меня устраивает ее спокойное, ненавязчивое присутствие, особенно после того, как она спасла меня во время

моей вылазки во внешний мир. То, что она здесь, успокаивает и избавляет от ощущения одиночества.

– Очень хорошо, миссис Зои, – отвечает она. Я улыбаюсь. Похоже, это все, на что она готова пойти, но это хоть чуть менее формально, чем «миссис Харрис». – Хотите, чтобы я убралась здесь сегодня? Когда шарки наносит много пыли из пустыни. Даже если окна закрыты ставнями, ей все равно удастся проникнуть внутрь, – отмечает она, проводит пальцем по настенной плитке и демонстрирует мне.

– Большое спасибо, Алиа, это было бы здорово.

Она уходит за своим ведром с чистящими средствами, а я забираю инкрустированную коробку и блокнот и направляюсь обратно наверх, чтобы не мешать ей и еще немного почитать.

Дневник Жози – понедельник, 6 января 1941 года

Папа стоит в очереди в американское консульство, где выдают визы. Сначала нужно было правильно заполнить все формы и написать, кто будет нашим спонсором, когда мы прибудем в Америку. И хотя он уже сделал это, несколько месяцев никаких известий нет. Возможно, это потому, что все офисы были слишком заняты беженцами, прибывшими из Европы, а потом закрывались на Рождество. Папа попытается найти кого-нибудь и что-то выяснить. Затем мама и папа отправятся на собеседование, после мы все должны будем пройти медицинское обследование и только тогда сможем получить визу. Как только мы получим американскую визу, мы сможем подать заявление на транзитную визу в Португалию, а затем уже получить разрешение на выезд из Марокко. Было достаточно трудно получить *permis de séjour* [9 - Вид на жительство (франц.)], позволяющий нам оставаться в Касабланке, пока мы пытаемся организовать все остальное. Неудивительно, что со всеми этими оформлениями у бедного папы действительно выпадают волосы. Теперь у него явная лысина на макушке, которую я заметила на днях, когда спускалась по лестнице, а он стоял внизу в холле и читал заголовки в газете.

Уезжая из Парижа, мы не подавали никаких заявлений на получение разрешений. Все произошло довольно быстро. Однажды, вернувшись домой из банка, папа сказал маме, чтобы она собрала все, что сможет, потому что нацисты вторглись во Францию и нам необходимо уехать. Это было так стремительно, что я даже не успела испугаться.

Мы поехали на поезде в Марсель, и мне очень понравилась эта часть путешествия. Я вцепилась в свою книгу, и мне было приятно снова читать знакомые строки. Через некоторое время я аккуратно убрала Лафонтена в сумку и стала наблюдать за французской сельской местностью, проплывающей за окном. Мне представлялось, что мы едем на летние каникулы на Лазурный берег, как в прошлом году. И я не обращала внимания на Аннет, которая шмыгала носом, уткнувшись в мамино в плечо, потому что не хотела разлучаться с Эдуардом. Я игнорировала людей, столпившихся в проходе за пределами нашего купе, потому что эта ситуация немного пугала меня, а я знала, что должна быть храброй. А еще я понимала, что дуться и хандрить, как некоторые личности, о которых я могла бы упомянуть, нет смысла, потому что это не поможет.

Даже Аннет немного взяла себя в руки, когда мы добрались до Марселя. Это было настоящее столпотворение. В ужасной панике все пытались добраться до порта. Папа заплатил двум мужчинам, чтобы они нашли нам такси и привезли наш багаж. Я думаю, тогда и пропал наш сундук, хотя мужчины заверили, что доставили все на нужный корабль, чтобы папа дал им чаевые.

В отличие от большинства, мы оказались счастливыми, потому что у папы было достаточно денег, чтобы оплачивать носильщиков, такси и билеты, а также давать взятки некоторым чиновникам, чтобы точно получить каюту. На вокзале и в порту были огромные толпы людей, большинство из которых казались очень напуганными и рассерженными. И у некоторых из них не хватало денег, чтобы попасть на корабль. Я не знаю, что с ними случилось. Может быть, они просто остались в Марселе. Или, возможно, они решили отправиться куда-нибудь еще, например, в Италию или Испанию. Там была семья с дочкой примерно моего возраста – девочка выглядела дружелюбно, и мы улыбнулись друг другу, когда стояли в очереди за штампом в паспорта, но они не сели на пароход. Я оглянулась, поднимаясь по трапу, и увидела, что она стоит на причале и смотрит мне вслед. Хотя я никогда по-настоящему не знала ее, я все еще иногда вижу во сне ее лицо и гадаю, где она сейчас. Возможно, ее семье удалось сесть на другой корабль, и однажды я столкнусь с ней на Пляс-де-Франс, здесь,

в Касабланке. Это было бы здорово.

Посреди ночи наш корабль наконец отплыл. Это произошло довольно поздно, и мама уже всю паниковала, что он вообще не собирается отчаливать. В каюте было слишком жарко, пахло машинным маслом и рвотой, поэтому мы с папой поднялись на палубу. Мы нашли маленький уголок в задней части корабля, где повсюду спали люди, устроились там и я прижималась к папе, пока мы смотрели, как исчезают огни Марселя. Мне было приятно обнимать его и вдыхать родной запах сигар и мыла, несмотря на то что к тому времени мы все были немного грязными и растрепанными. Море было таким же темным, как черное бархатное платье мамы, а ночное небо мерцало миллионом звезд. Их было намного больше, чем я когда-либо видела в Париже. Я прикоснулась к маленькой золотой звездочке, которая висела у меня на шее, и мне стало приятно от ощущения, что она связывает меня со звездами с этого огромного небесного купола.

Папа посоветовал мне поспать, так как нам предстояло несколько долгих дней пути до Алжира. Но, думаю, мы с ним оба не могли уснуть, потому что, наблюдая за этим сверкающим небом, оба гадали, что нас ждет, когда мы доберемся до Африки. Целый новый континент!

В действительности же нас ждал лагерь беженцев Айн Чок. Но я забегаю вперед.

Сначала мы сошли с корабля в Ороне, где нам пришлось много часов стоять в очереди на таможне. Это было немного похоже на то, как если бы нас положили в духовку, чтобы приготовить, как запеченную курицу. Вначале люди были довольно шумными, жаловались и кричали на чиновников, которые проверяли документы и перестраивали очереди в разные ряды по причинам, понятным только им. Но шло время, становилось все жарче и жарче, и над всеми нависла густая, тяжелая тишина. Порой хныкал ребенок. В какой-то момент женщина позади нас издала странный звук, похожий на сдувание воздушного шара, и упала в обморок; ее пришлось приводить в чувство нюхательной солью и чашкой воды. В остальном же никакого шума вообще не было. Мы просто смиренно ждали и варились.

Наконец дошла очередь проверки и наших документов. Затем нам велели еще несколько часов постоять в другой очереди, после чего разрешили сесть в автобус. Солдаты Французского иностранного легиона стояли рядом с ним и следили за тем, чтобы все делали то, что им сказали чиновники на таможне.

Один из солдат посмотрел на Аннет так, что она выпрямилась и пригладила волосы. В автобус вместе с нами сели двое военных с автоматами и расположились впереди. Я заметила, что Аннет достала из сумочки пудреницу и нанесла немного пудры на нос, стараясь делать это незаметно для окружающих. И нос на самом деле стал выглядеть лучше, потому что был очень красным и блестел от ее постоянных слез.

Я проспала значительную часть поездки на автобусе, длившейся целую ночь. Думаю, что снаружи была в основном пустыня, так что в любом случае, даже не будь за окном крошечной тьмы, смотреть было не на что.

Когда я проснулась, мы ехали по городским улицам, усаженным пальмами. Мама улыбнулась мне, ободряюще кивнула и сказала:

– Касабланка.

В первую минуту меня ослепила белизна, давшая городу его имя, – мы тогда проезжали мимо низких белых домов и более высоких белых зданий. Но вскоре повсюду появились яркие пятна – зеленые, красные, оранжевые и розовые. То были сады, усыпанные цветами. Это немного напомнило мне Лазурный берег, и я почувствовала себя вполне уверенно. Прижалась щекой к пыльному стеклу и смотрела на сады, на людей, шедших по улицам, на женщин, закутанных с головы до ног в черное, и суровых мужчин в белых одеждах, не обращавших внимания на автобусы с беженцами, которые проносились мимо них. Но когда городские улицы остались позади и автобусы, поднимая облака пыли из-под колес, поехали по гораздо более ухабистой дороге, цветущие растения исчезли, и в поле зрения сохранились только песок и обшарпанные лачуги, рядом с которыми полуголодные кошки прятались среди куч мусора.

Тогда все снова притихло, и моя уверенность слегка улетучилась.

Наконец мы подъехали к воротам лагеря. Автобусы затормозили, и пыль медленно осела вокруг. Солдаты, сопровождавшие нас, отправились поговорить со стоявшими у ворот охранниками. Те махнули, чтобы мы проезжали. По-прежнему никто не произнес ни слова, пока мы не остановились перед большим зданием. Несколько человек встали и принялись собирать свои вещи, однако водитель велел им сесть обратно и ждать, отчего все застонали. К тому времени нам просто хотелось размять ноги, не говоря уже об острой необходимости

принять ванну. Я представила себе роскошный туалет и умывальник с кранами – то, что в Париже считалось чем-то само собой разумеющимся. Но когда нам наконец показали наше место в зале, за занавеской обнаружилось только ведро. Мухи и так жужжали повсюду, а вокруг этого ведра особенно.

Увидев матрасы на полу, который и был теперь нашим новым домом в Марокко, Аннет сморщила нос и снова заплакала.

– Не волнуйся, моя дорогая, – утешал папа, поглаживая ее по спине, пока мама крепко обнимала ее (я думаю, маме тоже хотелось плакать). – Мы не пробудем здесь долго. Это временно, пока всем найдут подходящие места. Пойду и я поищу кого-нибудь, с кем можно обсудить это прямо сейчас.

Я хотела отправиться с ним, но он велел мне остаться и присмотреть за мамой и Аннет.

– Поговори с кем-нибудь из присутствующих, – сказал он. – Попробуй узнать, как здесь обстоят дела.

В холле было очень жарко и воняло, поэтому многие люди вышли на улицу. Мне казалось, что лучше всего последовать за ними и попытаться с кем-то побеседовать, как только мама и Аннет немного придут в себя. Я взяла свою книгу, чтобы все выглядело так, будто я просто мирно читаю, и отправилась искать место, где можно было посидеть в тени. Только в лагере не имелось ни тенистых деревьев, ни удобных скамеек, на которых, как в парках Парижа, можно было бы комфортно устроиться. Пришлось удовлетвориться защищенным от солнца участком сухой земли у стены здания. Я села и стала наблюдать, как какие-то мальчишки гоняли в пыли футбольный мяч.

Через некоторое время они тоже меня заметили, и один намеренно пнул мяч прямо в мою сторону. У меня быстрая реакция, и мне удалось его поймать. Мальчики замахали, чтобы я бросила его обратно, но я спокойно посмотрела на них и крикнула в ответ: «Если вы этого хотите, вам придется подойти и вежливо попросить». Мама часто напоминает мне, что плохим манерам никогда не бывает оправдания. Мальчик, который швырнул в меня мяч, подлетел и потребовал, чтобы я отдала его.

– Только если ты больше не будешь целиться в невинных зрителей, – с вызовом произнесла я. О том, что нельзя позволять хулиганам безнаказанно вести себя подобным образом, я узнала из книг.

Подошли и другие ребята, и один из них, со сломанным зубом, извинился и вежливо попросил меня вернуть мяч. Я уже собиралась это сделать, как вдруг, к моему абсолютному ужасу, хулиган заметил на земле мою книгу и схватил ее.

– Залог! – торжествующе воскликнул он. – Если хочешь получить свою книгу, верни нам наш мяч.

Я вскочила на ноги и позволила мячу упасть на землю. Слезы ярости и боли навернулись мне на глаза, когда он, смеясь и дразнясь, поднял мою драгоценную книгу над головой так, что я не могла до нее дотянуться. Он был выше меня и на несколько лет старше и представлял собой поистине ужасный экземпляр. Из-за того, что он размахивал книгой, пытаясь заставить меня прыгнуть за ней, суперобложка развернулась и порвалась, горячий ветер подхватил ее, пронес по участку голой земли и кинул на колючую проволоку забора, окружавшего лагерь, где она и застряла.

Тогда я действительно заплакала. Я уже собиралась броситься на хулигана с кулаками, когда вмешался мальчик со сломанным зубом и забрал у него книгу.

– Отдай это ей обратно. Мяч все равно уже у нас. Пошли играть, остальные ждут.

Грубиян повернулся и плюнул под ноги книгоспасателю. На мгновение мне показалось, что хулиган, который был намного крупнее и тяжелее любого из нас, собирается даже наброситься, но в конце концов он отвернулся и направился к своим друзьям.

Мальчик со сломанным зубом вернул мне книгу. Я вытерла глаза рукавом и поблагодарила его. Затем направилась к забору из колючей проволоки, чтобы попытаться спасти суперобложку.

– Стой! – попытался остановить меня мальчик и даже схватил за руку.

Я отмахнулась от него и потребовала:

– Отпусти меня! – потребовала я. – Мне нужно забрать ее.

– Ты не сможешь. К забору подходить опасно. Смотри, солдаты никого туда не подпускают. – Конечно же, там стоял охранник с автоматом. – Оставь это, – продолжал мальчик. – По крайней мере, сама книга цела, и ты все еще можешь ее читать. А эта старая обложка все равно совсем порвалась.

Слезы снова навернулись мне на глаза при мысли о потере части папиной книги, с которой я всегда была так аккуратна, единственной книги, которая у меня осталась в этом мире. Но мальчик был прав, и я понимала, что мне нужно взять себя в руки, если я хочу выжить в этом лагере. Он протянул мне довольно грязный носовой платок, чтобы я могла высморкаться, а затем ласково улыбнулся мне.

– Похоже, это хорошая книга, – проговорил он. – Расскажешь, о чем она?

– Разве ты не нужен им снова в футбольной команде? – спросила я, не желая иметь ничего общего с кем-то, кто водится с тем хулиганом.

Он покачал головой.

– Они мне не очень нравятся, и к тому же они дрянные футболисты.

Так я и подружилась с Феликсом Адлером, который через Францию приехал в Марокко из Вены. У него была веселая улыбка, чуть несимметричная из-за сломанного зуба – результат несчастного случая на качелях в парке у его дома. Его семья уже пару недель находилась в лагере беженцев. Он сказал мне, что это место называется Айн Чок и что есть люди, которые живут здесь в течение нескольких месяцев. И еще сообщил, что существует комитет, которым руководит добрая леди по имени мадам Бенатар, марокканская еврейка, и мой папа должен поговорить с ней, если сможет. Она с успехом занималась размещением людей вроде нас в городе Касабланка. Некоторые семьи, особенно в меллах (так называли Еврейский квартал), несмотря на небольшие жилища, соглашались приютить беженцев у себя. Феликс и его родители надеялись вскоре переехать в такой дом.

Я была счастлива сообщить эту важную информацию папе, когда он вернулся. Он улыбнулся и поцеловал меня в макушку.

– Молодец, это очень полезно знать. Не волнуйся, ma p'tite[10 - Моя крошка (франц.).], мы найдем и снимем себе собственное жилье.

Я поняла, что нам снова помогут деньги.

Но при всем везении нам все равно потребовалось некоторое время на то, чтобы найти место для проживания и получить разрешение покинуть лагерь, как только мы с помощью мадам Бенатар получили вид на жительство. А тем временем очень быстро обнаружилось, что назойливое жужжание дневных мух ночью сменяется пронзительным воем роя комаров, которым явно нравилось часами пировать в темноте кровью измученных беженцев. Из-за клопов, плачущих младенцев и споров громким шепотом между некоторыми взрослыми в зале никому не удавалось выспаться.

В лагере Феликса дразнили из-за сломанного зуба. Те самые ужасные мальчики называли его французским словом сгос, что означает «клык». Но он не обращал внимания. А мне сказал, что, когда он приедет в Америку, ему починят этот зуб, и тогда его улыбка будет идеальной, как у кинозвезды. На самом деле я ничего не имела против его нынешней несовершенной улыбки, потому что его глаза улыбались так, что сломанный зуб вообще не имел значения.

Как-то вечером через несколько дней после нашей встречи Феликс зашел в наш угол в зале. Он что-то держал за спиной и явно очень стеснялся. Затем он протянул мне суперобложку с изображением Городской Мыши и Деревенской Мыши. Мальчик объяснил, что ему удалось незаметно для охранников вытащить ее из забора. И он очень хорошо поработал над ее починкой: приклеил разорванные кусочки к листу старой газеты с помощью клея, сделанного из воды и муки, которую выпросил на кухне. Я не представляла, что он такой добрый, смелый и готов рисковать ради меня! И я обняла его, поскольку теперь точно знала, что он – настоящий друг. Лицо Феликса порозовело от смущения, но он, казалось, был доволен тем, что сделал меня такой счастливой. Я надела обложку на книгу, она смотрелась хорошо: вся в боевых шрамах, но на своем месте.

В лагере мы томились от скуки большую часть времени, поскольку заняться было нечем. Папа придумал игру, в которую мы играли, чтобы скоротать долгие часы в середине дня, когда на улице было слишком жарко и нам приходилось лежать на матрасах в зале. Это было немного похоже на «Я шпиону», только в

помещении не было ничего слишком интересного, что можно было бы загадать, просто много несчастных людей, не чаявших выбраться оттуда. В папиной версии предлагалось назвать первые буквы того, что тебе больше всего хотелось бы получить, когда ты выберешься из лагеря, а остальные должны были догадаться, что это может быть. В первый раз, когда мы играли, у меня было мороженое. У Аннет – шампунь «Студио Гёрл». Мама загадала москитную сетку для каждого из нас. Отгадать папин выбор у нас получилось не так быстро, потому что это оказался флакон духов «Шанель № 5», который он хотел подарить маме, чтобы напомнить ей о Париже. Когда мы наконец разобрались, у нее на глазах выступили слезы и ей пришлось довольно долго хлюпать носом.

Феликс поменял свой матрас на соседний с нашими – он, казалось, находил мою семью более интересной, чем свою собственную, и его родители, похоже, не возражали, – поэтому он тоже играл. Он хотел перочинный нож и немного конфет.

Когда нам наконец разрешили покинуть лагерь и папа привез нас в наш новый дом здесь, на бульваре Оазо, нас ждали сюрпризы. Как фокусник, он достал из-за спины флакон шампуня для Аннет и духи для мамы. Затем он показал нам наши кровати, и каждая из них была задрапирована собственной москитной сеткой, хотя в новом доме было уже не так много насекомых, как в Айн Чок. А потом он предложил мне руку, и мы пошли по улице в кафе, где он купил мне самое большое мороженое, которое я когда-либо видела, уложенное в стеклянную креманку и покрытое миндалем с медом и шоколадным соусом. Себе он взял точно такое же.

Я хотела, чтобы мы предложили семье Феликса комнату в нашем новом доме, но папа сказал, что беседовал с мадам Бенатар, и она заверила, что нашла им место в доме своих друзей в меллахе. Когда мы покинули лагерь, Феликс пообещал мне, что иногда будет навещать нас, но пока так и не сделал этого. Думаю, он занят тем, что заводит новых друзей. И очень надеюсь, что он купил себе то, что загадал в игре «Я шпиону», – перочинный нож и немного сладостей на Хануку.

Мне кажется, я чувствую восхитительный запах выпечки, доносящийся со стороны лестницы, так что сейчас я отправляюсь на кухню к Кензе. Я так много писала, что у меня болит рука, но пока это лишь история о том, как мы оказались в Касабланке. В следующий раз напишу больше.

Мэй возит меня по Касабланке на своем BMW, оснащенном кондиционером, и это гораздо более удобный способ осмотреть город, нежели моя вчерашняя прогулка. Я благодарна за то, что могу дать ногам отдохнуть, поскольку они все еще довольно сильно болят, а на правой пятке вздулся большой волдырь. Пока Мэй показывает достопримечательности, я шевелю пальцами ног, подставляя их под холодный воздух, исходящий из-под приборной панели. Я впервые оставила Грейс дома с Алией, но, вопреки ожиданиям, не чувствую особой тревоги, поскольку я знаю, что мой ребенок в хороших руках.

Первое впечатление от города – это хаос, грязь и облупившиеся фасады. Только приглядевшись повнимательнее, начинаешь замечать изделия из кованой стали, старомодные вывески на магазинах, искусно выполненные детали, украшающие каменную кладку многих запущенных зданий. Кажется, что машина Мэй может все-таки застрять где-нибудь на его узких улочках и переулках. Мэй показывает квартал Хабус с его мавританскими арками и объясняет, что он задуман и спланирован французскими колонизаторами. Это обновленная версия древней медины, построенная для туристов и эмигрантов, чтобы они могли насладиться похожими впечатлениями на более безопасных улицах с менее запутанной планировкой магазинов и киосков.

– Значит, это своего рода стерилизованная версия оригинала? – спрашиваю я.

– В общем, да, – соглашается Мэй и пожимает плечами. – Но ты вряд ли захотела бы сейчас отправиться в настоящую медину. Там просто грязно и опасно.

Я прикусываю губу, вспоминая козла в канаве и беззубого человека, продававшего странные снадобья, и молчу.

Мы несемся к океану, и я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на башню мечети Хасана II; безупречная белизна ее каменной кладки ослепительна и головокружительна на фоне голубого неба. Затем мы сворачиваем, проезжая мимо того места, где я вчера стояла, показывая Грейс волны. Вдоль пляжа выстроились клубы и рестораны, в том числе клуб «Оверсис», где на следующей неделе запланирован наш обед. Мэй продолжает путь к торговому центру и

заезжает на многоуровневую автостоянку. Существующий торговый центр перестраивают в нечто грандиозное – Мэй говорит, что он будет крупнейшим в Африке. Шум огромной строительной площадки вибрирует в горячем пыльном воздухе.

Внутри гораздо спокойнее, и мы неспеша прогуливаемся по торговым рядам. Электронная музыка плывет в искусственно охлажденной атмосфере. Пока мы идем мимо витрин магазинов, демонстрирующих узнаваемые во всем мире бренды, кожа моих рук покрывается мурашками. Сверкающая роскошь немного давит, и я ловлю себя на том, что мне хочется простоты пекарни на углу бульвара Оазо в жарком, залитом солнцем городе.

Мы проходим мимо аптеки, и я заскакиваю, чтобы купить еще немного дезинфицирующего средства для рук и бутылочки детского шампуня и лосьона. Сейчас я сама предпочитаю использовать именно их, потому что они менее вредны для моей больной кожи, чем другие марки.

Наконец мы устраиваемся за столиком в одной из многочисленных кофеен торгового центра, заказываем капучино и датскую выпечку.

– Ты посещаешь какие-нибудь кафе в Новом городе? – спрашиваю я.

– Иногда. Но там больше шансов нарваться на неприятности. В любом случае мы предпочитаем ходить по магазинам этого центра либо общаться в клубе, – отвечает Мэй немного неуверенно и одаривает меня сочувственной улыбкой. – Думаю, что у всех нас, впервые оказавшихся здесь, в голове сложился довольно романтический образ Касы, – смеется она. – Этому фильму есть за что ответить! Но мы очень быстро понимаем, что времена Хамфри Богарта и Ингрид Бергман давно прошли, и теперь это совершенно другой город. Ты и сама достаточно видела сегодня утром, чтобы понять: сейчас это в основном городская застройка, большая часть которой довольно убога и непривлекательна. И порт стал куда более коммерциализированным, чем во времена Богарта и Бергмана. В конце концов, иначе нас здесь бы не было, не так ли? В наши дни Каса – просто большой коммерческий центр. Когда обнаруживаешь, что романтические представления окончательно стерты, посещение таких мест, как это, – машет она рукой, чтобы охватить яркие огни магазинов, фоновую музыку, прохладный воздух и мужчину в сером комбинезоне, подметающего и без того чистую белую мраморную плитку пола, – становится утешением.

Она делает паузу, размешивая пену в своей кофейной чашке.

Однако я вовсе не хочу исследовать киношную Касабланку, хотя и не говорю об этом Мэй. Сейчас мое воображение захвачено миром Жози. Но это кажется чем-то личным, и я не готова поделиться этим с кем-либо еще.

Мэй делает глоток кофе и осторожно, чтобы не размазать помаду, промокает пенку на губах бумажной салфеткой.

– Если тебе хочется еще больше местного колорита, то мы могли бы организовать поездку в Хабус. Но лучшие места для знакомства с традиционной марокканской культурой – это другие города, такие, как Фес и Рабат. Может быть, вам с Томом стоит запланировать несколько выходных вдали от дома? Кстати, как у него дела на новой работе?

Мы переходим к обсуждению мужей. Супруг моей собеседницы занимает высокое положение в страховании в сфере судоходства. Мэй очень много знает о должности Тома.

Как только мы допиваем кофе, я бросаю взгляд на часы. Мне нужно поскорее вернуться к Грейс, хотя я уверена, что Алиа абсолютно надежная няня. Мэй настаивает на том, чтобы оплатить счет, а затем отвозит меня домой.

– Дай мне знать, если запланируешь провести выходные в Фесе, – говорит она, когда мы подъезжаем к моему дому. – Я могу подробно рассказать о чудном районе прямо в центре. Вероятно, тебе и твоему замечательному мужу было бы очень полезно устроить романтический отдых. – Она протягивает руку и немного сочувственно похлопывает меня по плечу.[11 - Традиционная частная гостиница в марокканском стиле.]

Я улыбаюсь, киваю и благодарю ее за экскурсию. Но когда она уезжает, не могу отделаться от мысли о ее жесте и задаюсь вопросом, что она могла слышать о нас.

Дневник Жози – четверг, 16 января 1941 года

Сегодня утром мама повела нас с Аннет за покупками в Хабус – это место, где втиснуто огромное количество традиционных магазинов. Когда мы уже собирались выходить из дома, она велела мне снять с шеи цепочку.

– Почему? – удивилась я. Я ношу маленькую золотую Звездочку Давида с тех пор, как мама подарила ее мне в прошлом году на мой двенадцатый день рождения. Когда-то кулон принадлежал маме, но, выйдя замуж за папу, она перестала его надевать. Мама позволяла мне играть с драгоценностями из ее шкатулки, пока накладывала макияж и делала прическу. Конечно, ставя условие, что я буду очень осторожна и аккуратно верну все на место. Тогда-то она и заметила, что особенно мне нравится звездочка.

– Потому что в наши дни лучше не афишировать подобные вещи, – ответила она. – К тому же мы не особенно религиозная семья, так что нет смысла нарываться на неприятности.

Мне не нужно было спрашивать ее, что за неприятности. Я видела такие же звезды, грубо нарисованные на дверях некоторых магазинов и домов, а также печатные объявления, наклеенные на стены и даже на витрины некоторых магазинов, в которых говорилось, что, по приказу префектуры полиции, следует избегать еврейских предприятий, а сами евреи должны соблюдать определенные правила. Я немного напугалась, когда впервые увидела подобное объявление здесь, в Касабланке. Но папа сказал, что Марокко управляет не только правительство Виши, но и султан по имени Мухаммед Пятый. Будучи султаном, он остается добрым человеком, и его даже называют Защитником Веры, поскольку он заявил, что в его стране следует уважать все религии. Он сказал маршалу Петену и нацистам: «В Марокко нет евреев. Есть только марокканские подданные». Меня немного приободрили папины слова, потому что всякий раз, когда мне на глаза попадались эти объявления, я думала о Феликсе и о том, что улыбка исчезнет из его глаз, если он прочтет эти полные ненависти строчки. Я надеюсь, он знает о словах султана. По словам папы, доброта – одна из самых важных вещей в мире, но в наши дни многие люди, похоже, забыли об этом. Когда он это говорил, я многозначительно посмотрела на Аннет, но она, как обычно, просто проигнорировала меня.[12 - Глава коллаборационистского правительства Франции с 1940 по 1944 г.г., известного как режим Виши.]

Когда мы добрались до Хабуса, мама вручила мне немного карманных денег, чтобы я могла потратить их на свое усмотрение. На одном из прилавков я

заметила красивую деревянную коробочку, инкрустированную перламутровым узором, немного похожим на плитку на полу в нашем доме. Но человек за прилавком объявил мне цену, намного бо2льшую, чем я могла заплатить. Однако Аннет подтолкнула меня локтем и велела немного поторговаться. Мужчине показалось довольно забавным, что я попросила гораздо более низкую цену, и сначала он отказался, при этом позволил мне поддержать шкатулку, чтобы увидеть, какого она отличного качества. Я согласилась, что это действительно так, но потом показала ему свои карманные деньги – всего 5 франков. Он предложил попросить мою прекрасную сестру добавить мне немного денег, но Аннет выпалила:

– Ни за что!

Тогда я вернула коробочку на прилавок и уже собралась уходить, как вдруг мужчина, заметивший мое разочарование, пошел на попятную:

– Ладно, ладно, – проговорил он. – По рукам.

Я так счастлива, что у меня теперь есть красивая деревянная шкатулка! Она пахнет как Хабус (точнее, как лучшая его часть, а не та, где воняет козьими шкурами и мочой бродячих собак): мягкими специями и ароматными маслами. Мама говорит, что она сделана из дерева, называемого сандаловым, и у него всегда будет такой запах. Я положила в нее цепочку с золотой звездой, чтобы она была в безопасности, пока я не могу ее носить. Думаю, что это очень хорошее место.

Вернувшись домой, я показала свое приобретение Кензе и Нине, и они согласились, что это отличная покупка. В следующий раз, когда я получу немного карманных денег, обязательно вернусь в ту же лавку и куплю такую же шкатулку для Нины. Мы с ней теперь друзья. Мы по-прежнему разговариваем по-французски, но еще я учу ее некоторым английским словам. Никогда не знаешь, в какой момент это может пригодиться. У нее такие же теплые и добрые глаза, как у ее мамы, и она много смеется, особенно когда я рассказываю ей о жизни в Париже до того, как война перевернула все с ног на голову. Раньше мне приходилось ходить на занятия по хорошим манерам, где я училась ходить вперед-назад с тяжелым словарем Ларусса на голове. Она считает это очень смешным. Однажды, когда все остальные были на чаепитии, я показала Нине бутылочки и баночки Аннет, стоявшие рядом на полке в ванной. Нина попробовала немного румян, а я накрасила губы. Мы обе нашли это совершенно

забавным.

Нам нравится играть в классики во дворе за домом. Там хорошо и тенисто. Там растёт гранатовое дерево, а ещё в воздухе пахнет жасмином, который карабкается по стенам и через решетчатую арку. Я нередко приношу свою скакалку, и мы по очереди соревнуемся, кто сможет прыгать дольше. Пока я выигрываю, но у Нины это получается довольно хорошо, так что, возможно, в один прекрасный день она меня догонит. Иногда я позволяю ей забирать скакалку, чтобы она могла потренироваться у себя дома.

После того как мы заканчиваем прыжки и классики, Кенза угощает нас на кухне лимонадом и мягким печеньем под названием ghoribas[13 - Гхуриба – марокканская выпечка в виде слегка приплюснутых шариков из рассыпчатого теста с добавлением кунжута, молотого миндаля или других орехов.]. Это мое любимое время дня. Одно из.

Папа вернулся из очереди в американском консульстве. Он выглядит усталым и немного озабоченным, но при этом говорит, что ему очень нравится проводить там время, потому что он встречает множество интересных людей, которым есть что рассказать. Спасаясь от войны, сюда съехались люди со всей Европы. Некоторым, я думаю, придется нелегко, учитывая всю ту недоброжелательность, которая сейчас царит вокруг. Правда, папа мне подобных историй не рассказывает. Он предпочитает поведать о забавных случаях, например, о даме, которой удалось приехать в Касабланку со своей маленькой собачкой, пуделем по кличке Мину. У них были одинаковые прически, только у женщины волосы нежно-голубого оттенка, а у Мину шерстка чисто белая. Дама создавала проблемы американским чиновникам, потому что требовала визу как для себя, так и для своей собаки. До этого момента история казалась забавной. Но ведь получить визу для животного действительно невозможно, вот почему среди них так много брошенных и ставших бездомными. Поэтому папин рассказ в итоге оказался довольно грустным. Я думаю, что леди с Мину теперь придется навсегда остаться в Касабланке. По крайней мере, леди будет счастлива, что она рядом со своей собакой. Я очень рада, что Мину не будет брошена.

Надеюсь, их хотя бы не отправят обратно во Францию.

Я спросила папу, сталкивался ли он когда-нибудь в консульстве с родителями Феликса, оказалось – нет. Но он пообещал поискать их, когда в следующий раз туда поедет.

Выпив немного мятного чая, папа взял свою шляпу и сказал маме, что ему снова нужно уйти. Когда она спросила его, куда он направляется, папа ответил, что встретил в консульстве интересного человека, который сообщил ему о группе, собирающейся в меллахе для обсуждения текущей ситуации. При этих словах мамины брови взлетели довольно высоко, и она попросила папу быть осторожным, раз он планирует провести время в Еврейском квартале. Он просто улыбнулся и поцеловал ее, сказав, что ей не стоит так сильно беспокоиться и что он вернется к ужину. Но я видела, что она действительно все еще волнуется, хотя мне непонятно, что плохого в разговорах о таких скучных вещах, как война, если папе этого действительно хочется. На мой взгляд, мы каждый день более чем достаточно слышим об этом по радио. Разрешено включать «Радио Марокко», но иногда папа слушает английское «Би-би-си», которое сообщает совсем другие сведения о ходе войны. Раньше я думала, что новости сводятся к сообщению всех существующих фактов, но, слушая эти две радиостанции, поняла обратное.

Город заполнен французской полицией и немецкими офицерами гестапо. Если они поймут вас за прослушиванием «Би-би-си», у вас будут большие неприятности.

Завтра мама поведет нас с сестрой в кино на «Ребекку». Аннет утверждает, что на чайных танцах только о ней и говорят. Полагаю, что в следующий раз сестра приложит усилия к тому, чтобы выглядеть как Джоан Фонтейн. Она уже подолгу сидит над фотографиями Лоуренса Оливье и вздыхает как больная лошадь.

Дневник Жози – пятница, 17 января 1941 года

Сегодня мы не смогли сходить в кино из-за того, что вчера случилось с папой. Я даже подумала, что мама может отказаться выпускать кого-либо из дома, – так она была зла, расстроена и потрясена. Честно говоря, я бы не винила ее, если бы она так поступила. Случившееся стало ужасным испытанием для всех нас.

В дверь постучали, и Кенза, как обычно, пошла открывать. Сначала я подумала, что это, должно быть, папа вернулся со скучной встречи в меллахе, что он просто забыл взять свой ключ. Но потом в гостиной, где сидели мама, Аннет и я,

появилась встревоженная Кенза. Она протянула маме сложенный лист бумаги и сказала, что какой-то мужчина просил немедленно доставить его мадам Дюваль. Когда мама прочитала содержимое записки, ее лицо совершенно побледнело, и она вскочила, даже не заметив, как ее книга упала на пол.

– Мам! – забеспокоилась Аннет. – Что случилось?

– Папа... – ответила она, и ее губы так сильно дрожали, что слова вылетали как плач. – Его арестовали. Я немедленно еду в полицейский участок.

Кенза поспешила прочь и вернулась с маминой сумкой и курткой. Она попросила маму не волноваться, потому что побудет со мной и Аннет, сколько нужно. Мы достаточно взрослые, и нас можно оставлять одних, но это было весьма любезно с ее стороны, потому что мне было ужасно страшно и ее присутствие рядом успокаивало, хотя и означало, что она опоздает домой к своей семье.

Кенза приготовила ужин, вот только мы ничего не смогли съесть, потому что наши желудки были завязаны узлами в ожидании, когда папа и мама вернутся домой. Я вспомнила, как мама не хотела, чтобы он проводил время в меллахе, и мне стало очень интересно, что же это была за встреча. В любом случае через два часа, показавшихся нам вечностью, входная дверь открылась и вошли родители. Папа пытался быть веселым и делал вид, что беспокоиться не о чем, но, похоже, на самом деле ему было очень страшно. По тому, как мамины губы сжались в тонкую напряженную линию, я поняла, что она в ярости. Я заметила, что она становится такой, если сильно пугается, как однажды в «Галери Лафайет», где я зазевалась и заблудилась. Когда менеджер магазина наконец вернул меня ей (продавщица в отделе шляп, где я попросила примерить широкополое чудо с красивым зеленым пером, взяла меня под свое крыло), мама не знала, обнять меня или отругать. Поэтому она сделала немного того и другого, но крики длились недолго, а объятия продолжались какое-то время, даже в *salon de the* [14 - Чайная комната.], пока я пыталась съесть шоколадный эклер.

Мне очень хотелось узнать, накричала ли она на папу или просто обняла его, но мама была не в настроении отвечать на вопросы, поэтому я промолчала. Позже Аннет рассказала мне, что папу арестовали прямо на собрании вместе с целой группой других людей и что гестаповцы отвезли их всех в фургоне в полицейский участок, где им угрожали тюрьмой. Немцы, очевидно, совсем не в восторге от идеи проведения подобных встреч. Маме пришлось заплатить

полиции довольно много денег, чтобы папу освободили.

Так что и на этот раз нам улыбнулась удача, хотя я видела, как была встревожена мама. Ей потребовалось немало мужества, чтобы войти в полицейский участок, ведь ее саму могли арестовать. Полагаю, если бы на ней была цепочка с маленькой золотой звездочкой, все могло бы сложиться хуже.

Папе, Аннет и мне все-таки удалось убедить ее, что поход в кино на «Ребекку» был бы хорошим способом отвлечься от вчерашних неприятностей. И как здорово, что мы это сделали, – фильм мне очень понравился. Он снят по книге. Я попытаюсь выяснить, где находится библиотека, попробую достать эту книгу и, возможно, какие-то другие. Я так сильно скучаю по книгам, которые мы оставили в Париже! Иногда даже представляю их в нашем старом доме, сиротливо стоящими в ряд на своих полках рядом с глобусом. Никто их не читает, только пауки ползают по ним, и некому смести пыль и паутину. Это заставляет меня грустить, потому что я считаю, что у книг своя собственная жизнь, и без нас они чувствуют себя довольно одиноко. Возможно, когда мы приедем в Америку, мы сможем попросить кого-нибудь упаковать их все и отправить нам в наш новый дом.

Зои – 2010

Я все больше и больше нервничаю из-за организованной Мэй встречи в клубе. Говорю себе, что это глупо и что я с этими своими заморочками выгляжу попросту жалко. Это ведь не то же самое, что столкнуться с гестапо, подобно мадам Дюваль!

Убедившись, что пришла немного раньше, я регистрируюсь на ресепшен, а затем быстро направляюсь в женский туалет. Тщательно мою руки, исполняя ритуал, который помогает мне успокоить нервы, когда я чувствую себя особенно встревоженной; использую щедрую порцию мыла из дозатора и воду настолько горячую, насколько могу вытерпеть. Повторяю процедуру дважды для надежности – у меня нет с собой щетки для ногтей, а в общественном месте лучше перестраховаться, – и насухо промокаю кожу бумажным полотенцем. От жесткого мыла и горячей воды чешуйчатые пятна на сгибах моих пальцев покраснели и горят, но, по крайней мере, боль – признак того, что мои руки

помыты должным образом.

Причесавшись и подкрасив губы блеском, бросаю короткий взгляд на часы – опаздываю на обед на допустимые пять минут. Сопротивляясь желанию снова сунуть руки под кран, стараюсь унять свои нервы и направляюсь на террасу с видом на теннисные корты, где Мэй заказала столик.

– Не будь такой идиоткой, – увещаю я ту часть себя, которая противится любому социальному контакту. – Это просто дружеский обед.

Мэй была так добра, организовав эту встречу. Плюс мне нужна помощь, чтобы взяться за шитье лоскутного одеяла, потому что я понятия не имею, с чего начать. Мне следует себя пересилить.

Все уже собрались за столом, Мэй обнимает меня, а затем представляет гостям. Аннеке и Мила из Роттердама провели утро, занимаясь теннисом и плаванием. Клодин – с юга Франции – выглядит так, будто она только что вышла из салона красоты, если судить по ее безупречным волосам и ногтям, а Кейт – королева прикладного ремесла – была на заседании комитета, которое Мэй проводила у себя дома. Мне особенно симпатична Кейт, женщина примерно моего возраста. Похоже, мы с ней на несколько лет моложе остальных. Мы очень разные, но объединены ощущением чужеродности, неизбежно возникающим у эмигрантов, и мы так или иначе нуждаемся в поддержке этого клуба, который, чтобы дать нам ощущение причастности, пытается создать для нас среду, схожую с покинутыми нами европейскими странами.

Женщины дружелюбны, но мне как новичку не избежать обязательных вопросов. Под прикрытием белой льняной скатерти я нервно тереблю заусенец на большом пальце. Вскоре мы обнаруживаем нечто общее: Кейт училась в университете в Бристоле, поэтому хорошо знает город, а муж Клодин работает в офисе Тома в порту. К моменту, когда официант приносит наши закуски, я начинаю немного расслабляться.

Кейт кажется особенно милой. Мэй рассказала ей, что меня интересует лоскутный квилтинг, и она достает из своего рюкзака книгу, которую принесла для меня.

– Вот хороший вариант для начала, – говорит она, показывая страницу, на которой перечислены приспособления, используемые квилтерами.

– Я понятия не имела, что мне все это понадобится, – признаюсь я. – Думала, что это процесс разрезания ткани на кусочки и сшивания их вместе.

Кейт смеется.

– Поначалу многие ошибочно думают именно так и учатся на горьком опыте. Но лоскутное шитье – это одновременно красота и точность геометрии.

Предварительная подготовка позволяет добиться хороших результатов. Но не волнуйся, – продолжает она. – То, что указано в списке, не понадобится разом. Мы можем вместе отправиться в торговый центр, в магазинчик, где продают товары для рукоделия. Я помогу выбрать основные материалы, которые будут необходимы, чтобы приступить к работе. В Хабусе есть несколько лавок с тканями, я могу тебе как-нибудь показать. У тебя есть конкретные задумки?

– Пока только материал, который мне хотелось бы использовать для основных блоков, – отвечаю я.

– Отлично, – говорит она. – Мы поможем тебе начать. Позже, как только основа будет готова, зайдём в ларек с тканями и купим все, что нужно для остальных слоев, их простегивания и скрепления.

Я тупо смотрю на нее. Она, должно быть, понимает мою растерянность, потому что похлопывает по обложке принесенной книги и говорит:

– Прочти это, прежде чем мы встретимся, чтобы отправиться за покупками, все станет понятнее.

Мы допиваем кофе, и Мэй предлагает снова встретиться за обедом на следующей неделе, в такое же время, а Клодин заявляет, что как-нибудь организует званый ужин, потому что все хотят познакомиться с Томом.

Я прячу книгу в свою сумку.

– Увидимся на следующей неделе в торговом центре.

Кейт кивает.

– А пока тебе нужно постирать и накрахмалить материал, который ты собираешься использовать. Тебе будет удобнее нарезать лоскуты. Поизучай варианты дизайна и реши, какой хотела бы попробовать. Просто помни, что простота – это благо, особенно на начальном этапе.

В тот вечер, ужиная с Томом, я без умолку болтаю о своем ремесленном проекте и своей новой общественной жизни. Звук моего голоса кажется искусственно ярким, но я вижу облегчение в глазах Тома. Он внимательно наблюдает за мной, выискивая любые признаки того, что близость, которая у нас была раньше, может возродиться. Затем я спрашиваю, как его дела, и теперь его очередь проявить некоторое подобие энтузиазма, описывая встречи, на которых он присутствовал, и проблемы, связанные с отслеживанием контейнерных судов компании, бороздящих бурные воды Мирового океана. Его тон кажется таким же фальшиво оптимистичным, как и мой.

Мы встаем из-за стола, и Том отправляется смотреть телевизор, растянувшись на диване с бутылкой вина, перелистывает каналы, предлагающие международные новости и повторы старых американских мыльных опер, дублированных на французский. Я поднимаюсь по лестнице в мансарду и беру книгу о квилтинге, которую мне одолжила Кейт.

Думаю, мы оба знаем, что между нами все та же пустота. Но хотя бы сегодня вечером мы попытались.

Дневник Жози – пятница, 31 января 1941 года

Очень досадно, что папа и мама обсуждали мое образование и решили, что мне нужен репетитор по английскому языку, который приходил бы два раза в неделю во второй половине дня, чтобы помочь мне подготовиться к учебе в Америке. Слава богу, они не заставляют меня ходить в здешнюю школу, хотя на каком-то этапе, по словам Аннет, они рассматривали вопрос о зачислении меня в лицей Жанны д'Арк – католическую школу рядом с американским консульством. Папа встретил даму, которая там преподает, и подробно расспросил ее. В конце концов от лицея решили отказаться, поскольку есть

надежда, что мы не задержимся здесь надолго, если получим наши визы. Поэтому леди, с которой познакомился папа, будет приходить к нам домой по понедельникам и средам после своих занятий в школе. Я очень зла. Они ведь думают, что мне нужно больше практиковаться в английском, а я не могу сказать им, что как раз на английском пишу свой дневник, потому что тогда они захотят посмотреть его, чтобы проверить мою орфографию и грамматику, и меня отчитают за то, что я все это записываю.

По крайней мере, мне не нужно ходить в школу каждый день. Нина вообще туда не ходит, и с ней гораздо веселее проводить время. Она учит меня некоторым словам на арабском, так что я в любом случае чему-то учусь.

Учительницу зовут мисс Дороти Эллис.

После того, как я нашла библиотеку и прочитала книгу «Ребекка» (которая, на мой взгляд, даже лучше, чем фильм), библиотекарь – мадемуазель Дюбуа, очень хорошенькая и добрая – предложила мне насладиться книгами Дороти Л. Сэйерс. И она оказалась права. Мадемуазель Дюбуа очень хорошо разбирается в сотнях библиотечных книг и может много всего порекомендовать. Думаю, что у нее очень интересная работа. В промежутках между выдачей и приемом книг у посетителей можно читать столько, сколько нравится.

Библиотека – очень красивое здание на другой стороне nouvelle ville, и хотя до нее приходится какое-то время идти пешком, оно того стоит. Мне нравится бродить между рядами высоких книжных полок, чувствуя, что я могу не только спрятаться там от мира, но даже убежать в другие миры между обложками всех этих прекрасных книг. Это помогает мне не так сильно скучать по нашему дому в Париже и не чувствовать себя здесь в ловушке из-за неприятных обстоятельств. Мадемуазель Дюбуа любезно показала мне, где найти книги, переведенные на французский, чтобы я могла прочитать их Нине. Ей нравится слушать «Лорд Питер и клуб “Беллона”»[15 - Детективный роман, опубликованный Дороти Л. Сэйерс в 1928 году.], и она очень хорошо умеет угадывать возможного убийцу.

Мы много времени проводим во дворе, и Нина теперь может скакать до 200 раз без остановки. Мой рекорд – 339. Когда мы не читаем книги Дороти Л. Сэйерс, Нина рассказывает мне о своей семье и жизни в Марокко. Однажды я призналась ей, что мне часто снятся кошмары и я плохо сплю, и она сказала, что у нее есть старая тетя, которая могла бы мне помочь. Очевидно, ее тетя своего рода

рассказчица, которая очень мудра, поэтому люди приходят ее послушать. Нина говорит, что сама тетя очень хорошо умеет выслушивать людей и определять, что им необходимо, а затем она продает им лучшие сны, если их собственные тревожны. Я и не знала, что сны можно купить, но Нина говорит, что можно, но только у кого-то вроде ее старой тети, обладающей особыми способностями. Я думаю, что мне очень нужно встретиться с этим «продавцом снов», чтобы узнать, правда ли это, но когда мы спросили Кензу, можем ли это сделать, она очень уверенно покачала головой и ответила, что моя мама не одобрит. Я знаю, она права на сей счет, тем не менее мне все равно хотелось бы купить несколько новых снов.

Я не слишком жду уроков. Они будут мешать проводить время во дворе с Ниной. Моя единственная надежда состоит в том, что мисс Дороти Эллис будет такой же милой, как мадемуазель Дюбуа, и такой же занимательной, как Дороти Л. Сэйерс. Тогда, возможно, все будет не слишком плохо. Мы начинаем на следующей неделе.

Другая важная новость заключается в том, что британская и австралийская армии сражались с итальянцами в Ливии и захватили важный порт под названием Тобрук. Аннет говорит, что если им удастся добиться большего прогресса, то, возможно, война в Северной Африке очень скоро закончится, и это должно облегчить получение наших виз в Америку. Однако во Франции дела обстоят плохо, так что мы все еще не можем вернуться домой. А мама давно не получала никаких известий от дяди Жозефа.

Дневник Жози – понедельник, 3 февраля 1941 года

Сегодня приходила мисс Эллис, и она очень милая. У нее веселые уроки, и она даже сказала, что мы можем иногда читать книги Дороти Л. Сэйерс. А еще она сказала, что мой английский превосходен. Получай, Аннет! Но она собирается немного помочь мне с грамматикой и такими вопросами, как запятые и апострофы, которые бывают довольно сложными. Перед началом урока мы выпили по чашке чая в гостиной вместе с мамой и папой. Мисс Эллис, похоже, довольно хорошо знает папу. Как оказалось, ее представил ему один из вице-консулов в американском консульстве. Мама говорит, что это настоящий общественный центр.

У мисс Эллис есть велосипед, который она называет своим Стальным Мустангом, это порода лошадей. Она оставляет его в холле. Я наблюдала за ней с лестницы, когда она уходила после моего урока. Папа вышел из гостиной, чтобы попрощаться с ней, и протянул ей коричневый конверт. Она убрала его в свой кожаный портфель, который затем положила в корзинку на руле Стального Мустанга. Сначала я решила, что это плата за обучение, но потом задумалась и поняла, что пакет слишком большой. Наверное, это какая-нибудь скучная газетная статья о войне. Когда мы пили чай, взрослые говорили о том, как немцы посылают новые войска под названием Африканский корпус, чтобы помочь итальянцам. Папа сказал, что читал об этом в утренних газетах. Похоже, британская армия все-таки не добилась больших успехов.

В выходные Кенза спросила маму, может ли она отвезти меня и Нину в медину, где они живут. Мама сначала сомневалась, но я умоляла ее разрешить и обещала все время быть рядом с Кензой. И получила разрешение. Я, конечно, скрыла, какой мы с Ниной разработали план, чтобы увидеться с продавцом снов. Но я в любом случае не нарушу своего обещания маме, потому что древняя тетюшка живет в том же районе, что Кенза, Нина и другие члены их семьи.

В действительности дом Кензы не так уж далеко от нашего, но, очутившись в медине, представляешь, что ты попал в другой мир. Проходишь через арку в форме замочной скважины и внезапно оказываешься в лабиринте крошечных улочек. Здесь очень легко заблудиться. Некоторые стены выкрашены в небесно-голубой цвет, а здания расположены настолько близко друг к другу, что улицы оказываются в тени целиком, поэтому здесь не так жарко, как на бульварах нового города. Пока мы гуляли, разные люди подходили поздороваться с Кензой и Ниной и спрашивали обо мне. Я была очень рада, когда Нина говорила им, что я – ее лучший друг. Все они обращали на мои зеленые глаза особое внимание, как на диковинку, потому что, похоже, в медине у всех темно-карие глаза.

Там оказалось очень много необычных вещей, на которые интересно было смотреть. Перед плетеной корзиной, скрестив ноги, сидел мужчина, и когда мы подошли ближе, он снял с нее крышку, чтобы показать большую змею. Он заиграл мелодию на странного вида дудочке и стал раскачиваться взад-вперед, а змея вылезла наружу и вытянулась, повернувшись к нему. Она покачивалась в такт музыке, пока раскручивалась – коричневые чешуйчатые кольца бесшумно и легко скользили друг по другу, а над холодными немигающими глазами раскрылся капюшон. Это зрелище вызвало у меня мерзкое чувство страха, скрутившее желудок. Я испытала огромное облегчение, когда змея наконец

опустилась обратно в свою корзину, а мужчина закрыл крышку, хотя еще довольно долго ощущала легкую тошноту. Я положила несколько монет в протянутую мужчиной шляпу и быстро отдернула руку, опасаясь змеи, которая в любой момент могла вылезти из этой хлипкой на вид корзины и вонзить в меня жало. После этого мы немного прошлись, поглазели, как жонглер подбрасывал ножи высоко в воздух и ловил их, не порезавшись. Мое сердце чуть не выскочило!

И еще там были сказители. Нина объяснила мне, что в марокканской культуре есть особенные люди, которые знают много старых историй, и когда они их рассказывают – это настоящий спектакль. Ее тетя, продавщица снов, была уже слишком стара, чтобы рассказывать истории на публике, поэтому мы собирались навестить ее приватно в ее собственном доме, который одновременно является домом Нины. А этот сказитель был публичным. Прежде всего музыкант ударил в барабан, чтобы объявить о его появлении. Собралась толпа. Затем начала разворачиваться история – рассказчик не просто спокойно сидел и произносил слова, он разыгрывал их, и вся толпа то громко смеялась, то дрожала от страха, то задыхалась от изумления. Я его не понимала, потому что он говорил на дарижи, но это не имело особого значения: он прекрасно изображал каждого персонажа, и я обнаружила, что улавливаю суть. Там был маленький мальчик, могущественный султан и злой джинн, который угрожал всем. Султан и его армия пытались свергнуть джинна, но в конце концов с помощью хитрости победил маленький мальчик. В конце рассказа толпа аплодировала и аплодировала, а музыкант прошел со шляпой, в которую зрители бросали деньги. Я тоже положила пару франков, это была бо2льшая часть карманных денег, которые у меня оставались, но рассказчик заслужил их за свое превосходное и интересное выступление.

Затем мы вернулись в дом Кензы, чтобы перекусить, и она оставила нас играть во дворе, а сама пошла готовить. Это был наш шанс. Нина приложила палец к губам и повела меня к лестнице в углу здания. Когда мы поднимались на верхний этаж над внутренним двором и крались по выложенному плиткой проходу к двери в комнату древней тетушки, мое сердце было готово выпрыгнуть из груди от страха, что Кенза вернется и поймает нас. Мне было неловко послушаться ее, но я очень хотела получить лучшие сны и хорошо спать. Нина тихо постучала в дверь. Я вся была в предвкушении и одновременно немного нервничала от предстоящей встречи с продавцом снов. После заклинателя змей, жонглера и сказителя у меня осталось всего несколько sous[16 - Су – французская монета.], но Нина сказала, что этого должно хватить, чтобы купить хороший сон.

Тихий голос предложил нам войти, и Нина распахнула дверь. В комнате было довольно темно, и после ярких побеленных стен внутреннего двора моим глазам потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть. Пахло ладаном и маслом пачули, а маленький оловянный фонарь со свечой отбрасывал на стены узоры из звезд. В углу сидела сказительница – продавщица снов, и Нина подтолкнула меня вперед, чтобы я примостилась на кучу мягких подушек у ее ног. Женщина откинула шаль со своих белых волос и посмотрела на меня своими блестящими глазами. У нее было очень морщинистое лицо и татуировки на лбу и подбородке. Позже я спросила Нину о них, и она объяснила мне, что это старый племенной обычай, но в исламе его не одобряют, потому что изменение любого творения Аллаха, включая внешность человека, – *haram*, что означает запрет, поэтому сейчас люди почти не делают наколок.

Пожилая леди немного напомнила мне птицу, когда, склонив голову набок, наблюдала за мной. Ее красивая шаль была вышита узорами, которые, по словам Нины, рассказывали истории ее племени. Она жила в пустыне до того, как вернулась к своей семье в медину. Продавщица снов заговорила по-французски и попросила меня рассказать ей, кто я и зачем пришла. Я поведала ей о плохих снах, и она кивнула. Все время, пока я говорила, ее глаза не отрывались от моего лица. Казалось, она не просто слушает мою речь, но и изучает меня, проникает в невысказанные мысли, как если бы я произнесла их вслух. Она словно читала сокровенные тайны моей души, что немного смущало, но в то же время я чувствовала, что могу ей полностью доверять. Когда я закончила рассказывать ей о своих снах и о том, как иногда боюсь снова заснуть после них, она взяла мою ладонь в свою руку, тоже похожую на птичью лапу и так же изрисованную хной, всю в узорах и завитках, как татуировки на ее лице. Женщина на несколько мгновений закрыла глаза. А потом начала говорить, рассказывая мне мою собственную историю. Насколько я помню, вот что она сказала:

– Первая часть вашего путешествия закончена. Следующая только начинается. Ты найдешь новый дом в стране, которая поначалу покажется чужой, но она примет тебя в свое сердце, и ты будешь там в безопасности. Впереди трудные времена, но твое собственное сердце наполнено мужеством, ты сильнее и храбрее, чем думаешь.

Она остановилась на минуту и снова посмотрела на меня, склонив голову набок. Затем улыбнулась очень по-доброму, ее лицо смягчилось, и она произнесла:

– Когда луна освещает сто чаш с водой, независимо от того, где они находятся, каждая чаша наполнена ее светом. Помни об этом, когда проснешься ночью. Луна, которая светит тебе здесь, является напоминанием о том, что любовь подобна луне в этих чашах с водой – она повсюду. Твои плохие сны происходят от страха и печали, которые ты носишь с собой. Теперь пришло время отпустить их. Любовь и мужество сильнее этих вещей. Лишь избавившись от страха и тоски, ты обретешь свободу быть смелой и любить в полной мере.

Мне подумалось, что, похоже, она догадалась о многом, просто посмотрев на меня. Я явно беженец из Франции и направляюсь в Америку, как и многие другие люди в Касабланке. Но мне было приятно услышать немного о мужестве и свободе. И мне понравилось о луне в чашах с водой – я обязательно буду иметь это в виду, когда проснусь посреди ночи. Скорее всего, это немного поможет. Приятно думать о лунном свете, освещающем наш старый дом во Франции так же, как наш новый дом здесь, в Марокко.

Затем женщина повернулась к Нине и сказала что-то по-арабски, чего я не поняла, но Нина кивнула и поблагодарила ее. Я попыталась отдать продавщице снов свои последние несколько су, но она покачала головой и широко улыбнулась мне. Именно тогда я увидела, что у нее не хватает передних зубов. Ее лицо было очень морщинистым и таким же коричневым, как кожаная обложка этого блокнота, но это было одно из самых добрых и мудрых лиц, которые я когда-либо видела. Она наотрез отказалась брать у меня деньги, а потом сказала что-то довольно странное. Она сказала мне, что не может брать деньги у члена своей семьи. Я полагаю, она была очень добра, потому что Кенза ее племянница, а я подруга Нины, дочери Кензы.

Когда мы вышли из комнаты, Нина перевела мне ее слова:

– Она видит, что твое сердце наполнено печалью. Тебе нужно отправиться к океану. Написать названия своих потерь на камнях, подобранных на берегу, а затем выбросить их в воду. Океан достаточно велик, чтобы принять твою печаль и хранить ее вместо тебя, освободив твое сердце для другого. Сказительница говорит, что это важный урок, который ты должна усвоить сейчас и хорошо запомнить. Это поможет тебе в дальнейшей жизни.

Когда внизу во дворе мы пили мятный чай с печеньем, Нина небрежно спросила Кензу, не отвезет ли она нас как-нибудь в ближайшее время на океан. Та ответила, что сделает это, как только моя мама позволит.

Мне уже пора ложиться спать. Полагаю, что вести записи в дневнике – это почти то же, что писать на камнях и бросать их в океан, поэтому Кензе не стоило беспокоиться, ведь в некотором смысле папа и продавец снов дали мне один и тот же совет.

Думаю, сегодня я буду спать немного лучше. Спокойной ночи.

Зои – 2010

Темнота кажется такой же давящей, как покрывало, которое я отбросила в сторону, создав смятую гряду холмов у твердой, как стена, спины Тома. Он в забытии, глубоко спит; каждый ровный вдох прерывается слабым храпом, каждый выдох – тихим сипением. Его дыхание странно невыразительно, в нем нет ни удовлетворения, ни печали. Почему-то эта ровность – из-за которой муж кажется еще более далеким и недостижимым – приводит меня в бешенство. Какое облегчение, что я в состоянии признать это хотя бы сейчас, в безмолвной темноте. Наша повседневная осторожная вежливость по отношению друг к другу выглядит такой хрупкой и натянутой. Интересно, что Том на самом деле думает обо мне, как много всего он оставляет невысказанным?

Как можно лежать так близко к кому-то и все равно чувствовать себя таким одиноким? Моя бессонница и его забытие только еще раз подчеркивают, насколько мы сейчас разобщены. Я знаю, что статистика не обнадеживает: немногие браки переживают то, через что нам пришлось пройти.

Переезд в Марокко должен был дать нам новый старт, но каким-то образом все, что мы пытались оставить позади, похоже, нашло свой путь сюда вместе с теми немногими вещами, которые мы упаковали в наши чемоданы.

Порой нам все еще трудно смотреть друг на друга.

Каждое утро после ранней пробежки по городу Том смывает пот и пыль и появляется преображенный, готовый выбраться из-под обломков нашего брака в спокойный, упорядоченный мир своей работы, в место, где он может быть кем-то другим, а не просто половиной нас. Одетый в костюм, он едет в машине с

кондиционером в свой комфортабельный офис, где, я полагаю, есть вежливые, улыбающиеся коллеги, кофе из автомата и упорядоченная куча работы, которую нужно выполнить. И где ему не приходится думать ни о чем другом.

Неудивительно, что он не очень-то стремится возвращаться по вечерам домой. Интересно, что он видит, когда перед выходом из дома, стоя перед зеркалом в прихожей, завязывает галстук аккуратным узлом? Является ли для него реальным это отражение? Спокойный, аккуратный, контролируемый карьерист. Или, подобно мне, он видит то, что лежит под поверхностью – осколки, боль, запутанные беспорядочные эмоции? Наблюдая себя в зеркале, я понимаю, как плохо стараюсь все это замаскировать. Мои жесткие волосы, стянутые сзади резинкой, их темные корни только подчеркивают синюшные круги под глазами. На мне чаще всего бывают старая футболка и спортивные штаны – эдакая растянутая униформа (учитывая обвисшее после рождения ребенка тело, которое она скрывает) мамы-домохозяйки.

Накануне вечером Том предложил выехать куда-нибудь на выходные. Мысль о том, чтобы паковать чемоданы и много часов находиться за рулем, а потом остановиться в отеле, наполнила меня паникой. Мы едва можем вынести совместное пребывание в этом доме, где у каждого есть место – своя комната-убежище, где можно спрятаться, чтобы не приходилось сидеть молчаливым свидетельством вины и боли друг друга. Я не могла вынести даже мысли о том, чтобы оказаться запертой с ним в одном гостиничном номере. И кроме того (это знает любая молодая мама), от поездки на выходные с ребенком больше вреда, чем пользы. Вывозя ребенка в незнакомое место, вы тратите массу времени, чтобы упаковать все необходимое, но вскоре обнаруживаете, что упорядоченность, которую вы так тщательно создавали, рушится, выбивая малыша из колеи. В результате он не спит, эта вылазка начинает казаться совершенно бессмысленной. Поначалу Тома разозлила моя реакция, и я видела, что он обижен моим отказом от поездки. Но это длилось недолго, муж очень быстро со мной согласился и, как я думаю, испытал некоторое облегчение: он, как обычно, поступил правильно, предложив развлечение, а я, традиционно отказавшись, в который раз проявила себя занудой.

Дыхание мужа все такое же ровное, он не ощущает моих суматошных ночных мыслей, и внезапно я понимаю, что не могу больше ни секунды лежать рядом. Очень тихо, чтобы не потревожить его, я встаю с кровати и на цыпочках поднимаюсь вверх в комнату Грейс. Здесь, среди крыш, приоткрытые ставни позволяют любому слабому дуновению ветерка чуть охладить тяжелый воздух. Я слышу мягкое шуршание перьев, это в темноте устраиваются на ночлег голуби.

Отодвигаю в сторону полотно москитной сетки, ровно настолько, чтобы проскользнуть под нее и устроиться на кровати Грейс. Здесь я чувствую себя гораздо менее одинокой. Очень осторожно я беру свою спящую дочь на руки. Когда я с ней, кажется, что мои ободранные, зудящие руки не так меня мучают, и это успокаивает встревоженный разум.

Палец лунного света проскальзывает меж щелей в ставнях, указывая на стопку аккуратно сложенной на комоде ткани. Следуя совету Кейт, я постирала старую одежду, которую собираюсь использовать для изготовления лоскутных блоков, а затем накрахмалила и выгладила, чтобы ее было легче разрезать на квадраты одинакового размера. Из книги по квилтингу я выбрала дизайн под названием «Древо Жизни». Каждый блок представляет геометрический узор из простых треугольников и квадратов. Как только я сошью тринадцать блоков, я разложу их в три ряда, закреплю с помощью полосок ткани и пришью к подложке, а затем обработаю края одеяла окантовкой. Но это немного позже. На данный момент все, что мне нужно сделать – это построить ветви моего первого дерева, пришив один треугольник ткани к другому. Мне не терпится начать, и я очень жду, когда Кейт покажет мне, где взять коврик для резки, раскройную линейку и роликовый резак.

Я глажу прядь волос Грейс, таких же мягких и неземных, как лунный луч.

Это напоминает мне слова «продавца снов» из дневника Жози о том, что луна способна наполнить бесконечное количество чаш. Думаю, такова и моя материнская любовь: мое сердце переполнено ею, она бесконечна, как этот серебристый свет.

Читая дневник Жози, я словно переступаю невидимый порог и оказываюсь в другом мире. Ее жизнь в этом доме – в этой самой комнате! – кажется мне порой более реальной, чем моя собственная. Я представляю, как она лежит в этой же кровати, смотрит на лунный свет и слушает воркование голубей. Чувствовала ли она себя в безопасности здесь, наверху, пока члены ее семьи спали внизу, в своих комнатах? Или постоянно присутствовавшая угроза, исходившая от нацистской Германии, в мире, перевернутом войной с ног на голову, не давала ей спать по ночам? Несмотря на богатство ее отца, безусловно спасавшее во многих ситуациях, в чужой стране, где за каждым углом таилась опасность, еврейским беженцам приходилось нелегко. И было не так важно, «действительные» (как выразилась Жози) они или нет.

Касабланка в 1940-х годах, похоже, была тем местом, где люди могли легко провалиться сквозь щели и исчезнуть.

Так ли сильно я отличаюсь от Жози и ее семьи? Я тоже в некотором роде беженец, бегущий от того, от чего никак не убежать.

Можно без труда провалиться сквозь трещины в моем браке. И просто исчезнуть.

Дневник Жози – вторник, 11 февраля 1941 года

Большое волнение в Касабланке вызвало недавнее прибытие звезды по имени Жозефина Бейкер. Она певица и танцовщица и раньше давала концерты в Париже. Сейчас она приехала в Марокко и собирается выступить здесь, в театре Риальто. Папа купил два билета – для себя и для мамы. Нам с Аннет не разрешили пойти на представление, потому что некоторые танцы слишком экзотические. Мне все равно было бы интересно посмотреть на это, но, по словам Аннет, «экзотика» означает, что на танцовщицах не слишком много одежды, и посему это неприемлемо для ребенка моего возраста. Я уверена, она сказала это лишь потому, что раздражена: ведь она тоже не может туда пойти. Она еще больше разозлилась, когда я заявила, что это должно означать, что она тоже все еще ребенок. Мама успокоила нас, пообещав на следующей неделе прогулку верхом на лошадях, что будет намного веселее, чем сидеть в жарком театре. Недалеко от города есть место, где можно брать уроки. Не могу дождаться! [17 - Жозефина Бейкер (урожд. Фрида Джозефин Макдональд, 3 июня 1906, Сент-Луис, Миссури, США – 12 апреля 1975, Париж) – американо-французская танцовщица, певица и актриса.]

Газеты сообщали, что Жозефина Бейкер прибыла из Марсея с 28 местами багажа. Аннет сказала, что все это ее сценические костюмы, и снова разозлилась, когда я подметила, что совсем недавно она утверждала, будто экзотические танцоры носят мало одежды. Она стала называть меня «маленькая мисс Всезнайка», но я решила воспринять это как комплимент. Это, безусловно, лучше, чем постоянно думать о мальчиках и прическах.

Еще одна очень интересная новость, о которой говорится в газете: Жозефина Бейкер путешествует со своим собственным зверинцем. У нее есть дог по кличке

Бонзо, несколько обезьян и две белые мыши. Нина согласна со мной, что смотреть на этих животных гораздо интереснее, чем на экзотические танцы.

На выходные Кенза повезла нас с Ниной к океану. Мама немного беспокоилась и сомневалась, отпускать меня или нет, но папа оплатил для нас такси, так что все устроилось наилучшим образом. Мы проехали вдоль побережья, мимо гавани, где увидели много рыбацких лодок и несколько патрулировавших море военных кораблей, пока не добрались до места – тихого, безлюдного участка пляжа. Водитель припарковался в оливковой роще и пошел полежать в тени. Кенза, Нина и я спустились на берег, и мои попутчицы сняли свои платки. Ветер обдувал наши лица, было жарко и прохладно одновременно. Мощные волны бесконечно уходящего вдаль океана разбивались о гальку у кромки воды, заставляя ее кататься и кувыркаться. Я вспомнила об инструкциях сказительницы и задумалась, не несут ли все эти тысячи камней горе других людей. И тогда поняла, о чем она говорила: океан был достаточно велик, чтобы вместить их все.

Я захватила с собой бутылочку чернил, которую позаимствовала из папиного стола, и кисть из своего пенала. Мы рассказали Кензе, что я собираюсь делать (хотя и опустили тот факт, чьему наставлению я следую), а затем Нина и Кенза помогли мне найти несколько камней правильной формы и размера, достаточно больших и плоских, чтобы на них можно было писать, но не слишком громоздких, иначе я не смогла бы бросить их далеко за пределы того места, где разбиваются волны. После встречи с продавщицей снов я размышляла о ее словах, и про себя решила, что2 именно доверю камням. Я написала четыре пункта. Первый – Дом. Второй – Франция. Третий – Друзья (те, кого я оставила далеко). На четвертом камне я не написала ни слова, только нарисовала шестиконечную звезду, похожую на ту, что висит на цепочке, спрятанной в шкатулке из сандалового дерева.

Пока солнце и ветер помогали чернилам высохнуть, я вымыла кисть в соленой воде Атлантического океана. Затем по очереди взяла и мгновение подержала в ладонях каждый камень, прежде чем закинуть как можно дальше. Море жадно поглотило их все. Я ощутила сильную волну печали, но она отличалась от давящей тяжести, похожей на грудь булыжников, которую я так долго таскала с собой. К волне примешивалось чувство облегчения от того, что во мне больше нет этого груза. Поэтому печаль, казалось, больше не заполняла мое сердце целиком, в нем оставалось немного места для других вещей. Кенза крепко обняла меня и вытерла мои слезы уголком своего платка, а затем мы втроем

некоторое время шли вдоль кромки воды, позволяя пенящимся волнам щекотать наши босые ноги и чувствуя теплый ветер на своих щеках. Когда мы вышли на полоску мокрого песка, мне вдруг захотелось бежать, потом я сделала колесо, и Нина последовала моему примеру. Мы втроем бегали и смеялись, и я поняла, что продавщица снов абсолютно права. Это была своего рода свобода.

С тех пор прошло три ночи и мне вообще не снились плохие сны. Прошлой ночью мне привиделось, что я танцую на пляже с Жозефиной Бейкер и ее животными, и все хохочут, даже мыши.

Зои – 2010

Мы с Кейт встречаемся в торговом центре, и она показывает мне магазин товаров для рукоделия, спрятанный в углу на верхнем этаже. Это – настоящая сокровищница, до потолка забитая полками с катушками ниток, кусочками войлока и листами картона всех цветов радуги. Помимо инструментов, которые понадобятся для разрезания моей старой одежды на точные квадраты и треугольники, я покупаю большую катушку ниток цвета слоновой кости и упаковку булавок с яркими головками. Кейт предлагает одолжить мне свою швейную машинку для сборки лоскутков, но я вежливо отказываюсь. Хочу сшить их вручную. Каждый блок будет делом любви, а также способом занять мои руки – желанным отвлечением от язв на моей воспаленной коже. Хочу неспешно погрузиться в этот проект. Хочу сосредоточиться на каждом стежке, на каждом лоскутке ткани.

Закончив с покупками, мы возвращаемся в кафе, где я смогу показать Кейт выбранный дизайн, а она даст мне еще несколько советов, как начать работу. Я открываю отмеченную закладкой страницу.

– «Древо Жизни», – улыбается она. – Идеальный выбор для новичка. Чтобы сделать дерево, нужно использовать квадраты и треугольники в четверть квадрата. Тебе понадобится одноцветная ткань, где ты их расположишь для создания узора. В книге приведены пропорции, рассчитанные для лоскутков, исходя из размеров готового одеяла. Я бы посоветовала вырезать все для первого блока и закрепить его, просто чтобы понять, как все это сочетается.

Таким образом ты избежишь ошибок. Сборка вручную займет некоторое время, но это очень хороший способ увидеть вживую выбранный дизайн.

Она еще раз заглядывает в книгу и переворачивает страницы.

– Каждая модель шаблонов – это своего рода рассказ. Смотри, например, этой конструкции бревенчатой хижины сотни лет. Квадрат в центре обычно красный, символизирует огонь в очаге, иногда желтый, тогда это свет, льющийся из окна. А смещенные полосы ткани, окружающие его, – это бревна, из которых сложена хижина. Можно только представить, как это утешало поселенцев на Диком Западе, стремящихся жить в безопасности в уютном доме. Сшивая множество блоков для своего одеяла, они создавали целое поселение.

– А «Древо Жизни»? – интересуюсь я. – Оно тоже рассказывает собственную историю?

Она отхлебывает кофе и возвращается к странице с выбранным мной дизайном.

– Конечно, «Древо Жизни» – это могущественный символ семьи и предков. Его ветви символизируют поколение за поколением, одно за другим. Это напоминает нам, что мы не одиноки, понимаешь? Все взаимосвязано. Зимой дерево теряет листья, но затем, после зимней спячки, происходит весеннее возрождение, возникает новая жизнь. Мне нравится эта идея: возможность начать все сначала, пробудить надежду. – Она разворачивает миндальное печенье, которое официант принес с кофе, и откусывает кусочек, все еще рассматривая рисунок. – Еще оно позволяет нам понять, что мы укоренены в земле, которая питает нас и дает нам силу. И даже несмотря на то, что дерево состарится и умрет, оно принесет новую жизнь в своих семенах – это жизнь после смерти, конец, обещающий начало.

Она поднимает на меня глаза, и я улыбаюсь, затем отвожу взгляд, торопливо подношу чашку с кофе к губам, пряча внезапные слезы,

– Это одинокое дело: начинать жизнь на новом месте, так ведь, Зои? Но мы достаточно быстро начинаем пускать корни, подобно дереву. – Она легонько, ободряюще хлопывает меня по руке. – Я думаю, ты выбрала идеальный дизайн для своего первого одеяла. Когда ты сошьешь каждый блок, оживляя свой маленький лес, то почувствуешь, насколько приятно создать нечто прекрасное

из старых обрезков и обносков.

Как только мы допиваем кофе, я собираю свои сумки, и мы расходимся в разные стороны. Чуть раньше, по дороге в магазин рукоделия, я заметила книготорговца и сейчас направляюсь туда. Большинство изданий на французском или арабском языках, но есть небольшой выбор в английском и детском уголке. Я некоторое время осматриваю полки, а затем несу к кассе стопку книг, которые выбрала для Грейс. Это три книжки с картинками: «Миффи», африканские народные сказки и прекрасно иллюстрированный экземпляр сказок из «Тысячи и одной ночи». Последнее больше подходит для чтения мне, но я знаю, что дочери понравится разглядывать картинки с яркими цветами и замысловатыми узорами, пока я рассказываю истории Шахерезады о приключениях Аладдина и Синдбада-Морехода, пусть даже она пока ничего не поймет. Затем я направляюсь на стоянку такси и домой, чтобы спрятать все свои покупки в комнате Грейс.[18 - Миффи – маленькая девочка-кролик, герой книжек с картинками авторства голландского художника Дика Бруны.]

Дневник Жози – воскресенье, 16 февраля 1941 года

Папа и мама были сегодня в американском консульстве на собеседовании. И вернулись в приподнятом настроении.

– Там были в восторге от нашей мамы, – заявил нам папа. – Ничего странного, от нее все в восторге. Она совершенно их очаровала, и вице-консул, с которым мы виделись, сказал, что сделает все возможное, чтобы наше заявление было рассмотрено как можно быстрее.

Аннет была очень довольна этой новостью, а я не почувствовала должного радостного волнения. Потому что буду скучать по Нине, Кензе, мисс Эллис и мадемуазель Дюбуа из библиотеки. Сейчас я читаю «Джейн Эйр», и это великолепно. Аннет сказала:

– Берегись сумасшедшей женщины на чердаке!

На что я ответила: «Ты же не имеешь в виду собственную сестру?» И очень ее этим рассмешила.

Папа все еще иногда ходит на встречи в меллах, когда он не в американском консульстве или не с друзьями за бокалом «Вермут Кассис» в отеле «Трансатлантик». Я спросила его, можно ли мне как-нибудь пойти с ним, потому что очень надеюсь столкнуться в меллах с Феликсом – хочу еще раз встретиться, прежде чем мы уедем. Папа ответил, что это невозможно, к тому же его собрания покажутся мне очень скучными. Но он пообещал, что обратится за помощью к человеку, который присутствует на этих встречах и, похоже, знает всех в Еврейском квартале. Таким образом мужчина напомнит Феликсу о нас и передаст ему наш адрес, Разумеется если встретит его. И возможно, в один прекрасный день Феликс сможет приехать и навестить нас. Мне бы этого хотелось. Я могла бы познакомить его с Ниной.

Аннет принялась дразнить меня, говоря, что я тоскую по своему парню. Я изо всех сил старалась не обращать на нее внимания. Завтра вечером она собирается в друзья на танцы в отель «Эксельсиор», но совершенно очевидно, что парня по имени Оливье она упоминает чаще, чем других. Поэтому я вслух задалась вопросом, убит ли Лоуренс Оливье горем из-за того, что его заменил в ее привязанностях человек, который носит одно из его имен. Это заставило сестру заткнуться.

Мисс Эллис учила меня, как при письме использовать двоеточия и запятые. Они удобны для сложных списков. Например, британская армия захватила в Ливии следующие города: Бардия, Беда-Фомм, Бенгази и, с помощью австралийцев, Тобрук и Дерна.

А еще мы по очереди читаем главы «Джейн Эйр» вслух, что гораздо интереснее, чем изучать грамматику. На днях, когда была моя очередь читать, папа просунул голову в дверь и протянул мисс Эллис еще один из тех таинственных коричневых конвертов. Она отложила его в сторону, даже не взглянув. Но позже, когда она оставила меня бороться с запятыми и пошла попудрить нос, я заметила, что конверт не заклеен, и быстро заглянула внутрь. Это были просто какие-то скучные на вид списки мест и номеров. Ни одной запятой в поле зрения!

Мама записала нас на урок верховой езды на утро четверга.

Дневник Жози – четверг, 20 февраля 1941 года

Сегодня мы отправились на ферму на урок верховой езды. Папа решил, что мы должны устроить семейный день, и взял напрокат машину. Он назвал его нашей колесницей и объяснил мне, что это «Додж седан» 1936 года выпуска. Мама с сомнением осмотрела автомобиль, так как он выглядел довольно ветхим и имел несколько вмятин, но я была взволнована тем, что он наш на весь день, и мы можем ехать, куда захотим. Кенза собрала нам корзинки для пикника, и папа погрузил их в багажник. Затем мы расселись и отправились в путь. Сначала машина издала несколько хрустящих звуков, несколько раз подпрыгнула и заглохла, потому что папа не привык к ее управлению. Но потом он стал справляться чуть лучше, и все пошло гладко. Мы открыли окна как можно шире, чтобы ветер охлаждал салон, пока мы мчимся по улицам города. Однако вскоре нам пришлось закрыть их, потому что Аннет пожаловалась, что это портит ее прическу. Я возразила, что мы собираемся кататься на лошадях, а не танцевать с Оливье и компанией. Но в ту минуту мы ехали по очень пыльной проселочной дороге, и мама сказала, что, по ее мнению, нам действительно лучше закрыть окна.

Примерно через час мы прибыли на ферму. Там было много серебристых оливковых рощ, а также несколько рядов деревьев с блестящими зелеными листьями, которые папа называл апельсиновыми садами. Очень красивое место! Загон для лошадей был окружен аккуратным белым забором. Вдалеке, напоминая размытую декорацию, виднелись голубые горы, и это выглядело очень умиротворяюще. Я сказала, что хотела бы как-нибудь съездить и поизучать горы, и папа ответил, что однажды мы сможем отправиться в дальнюю экспедицию, поскольку он уже освоил эту машину.

Нам с Аннет предстоял урок верховой езды. Мама с папой решили не тянуть время, пока солнце не стало слишком жарким. Поэтому мы сразу отправились в конюшню, где белые голуби тихо переговаривались друг с другом, устроившись на маленьких скворечниках, висевших на карнизах, и в других местах. Очень милый человек по имени Хамид седлал наших лошадей. Моя была прелестной гнедой кобылой с белым пятном на лбу. Хамид окликал ее Наджима, что означало «звезда». Лошадь Аннет звали Маргаритой, потому что она была такой же белой, как дикие маргаритки краю пастбища.

Хамид медленно провел нас по двору за конюшней, чтобы мы могли познакомиться с Наджимой и Маргаритой и дать им возможность узнать нас получше. Когда мы жили в Нейи, мы брали несколько уроков верховой езды в Булонском лесу, так что нам не потребовалось слишком много времени, чтобы почувствовать себя комфортно. Затем он вывел своего собственного коня – высокого черного жеребца по кличке Малик – и захватываяще лихо вскочил в седло, даже не прибегая к ступенькам для посадки.

Мы помахали маме и папе, которые сидели в тени, держась за руки и слушая голубей, и последовали за Хамидом и Маликом по грунтовой дороге параллельно линии гор. Мы чудесно прокатились через апельсиновую рощу. Потом добрались до луга на другой стороне и пустились легким галопом. Луг напоминал ковер из полевых цветов – лютиков, маргариток и розовой мальвы. Это заставило меня вспомнить о красочных коврах, развешанных в Хабусе. Когда мы ехали по нему, цветы шуршали, как складки лучшего вечернего шелкового платья мамы. Хамид сказал, что уже через пару недель короткая весна закончится, цветы исчезнут, останутся только сухая трава и пыль. Маргарита, оправдывая свое имя, подошла к маргариткам, чтобы поесть. Даже Аннет забыла о своем вечном недовольстве и смеялась над этим до упаду. Мы отвели лошадей к ручью, протекавшему вдоль границы фермы, и как следует напоили их. Ручей весь порос незабудками и темно-зеленым водным крессом. Хамид объяснил, что вода очень чистая, так как она образуется при таянии снега на вершинах самых высоких гор. Трудно представить, что в таком жарком месте может быть снег. Оказалось, летом ручей полностью пересыхает.

Затем мы медленно отправились обратно, и я несколько раз глубоко вдохнула деревенский воздух, в котором так приятно смешались запахи лошадей кожаной сбруи, и слабый аромат цветов, испускаемый миндальными деревьями, мимо которых мы проезжали. Вернувшись в конюшню, мы угостили своих лошадей кукурузой, я погладила Наджиму по шее и пообещала, что скоро вернусь, и мы снова увидимся. Потом мы присоединились к маме и папе, которые только что вернулись с прогулки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

“Aedh Wishes for the Cloths of Heaven” (1899), William Butler Yeats, вольный перевод с англ.

2

Сухой, изнуряюще жаркий, пыльный ветер с порывами до 80 км/час.

3

Пригород Бристоля.

4

Стежка, выстегивание, подбивка (англ.). Объединяет в изделиях несколько техник: лоскутную вышивку, различную стежку, аппликацию.

5

Квартал Хабус, или Новая Медина, построен французами в 1930-х гг.

6

Ville nouvelle, Новый город (франц.) – в рамках Французского протектората, учрежденного в 1912 г., был разработан радиоцентрический план Касабланки, разделивший город на ville indigene, где будут жить марокканцы, и ville nouvelle для европейцев.

7

Одно из древнейших приспособлений для ношения маленького ребенка. Иногда называют бэби-слингом или лоскутным держателем.

8

В ряде языков – дорога, проходящая по горному склону, причем с одного конца в гору, а с другого – под гору.

9

Вид на жительство (франц.).

10

Моя крошка (франц.).

11

Традиционная частная гостиница в марокканском стиле.

12

Глава коллаборационистского правительства Франции с 1940 по 1944 г.г., известного как режим Виши.

13

Гхуриба – марокканская выпечка в виде слегка приплюснутых шариков из рассыпчатого теста с добавлением кунжута, молотого миндаля или других орехов.

14

Чайная комната.

15

Детективный роман, опубликованный Дороти Л. Сэйерс в 1928 году.

16

Су – французская монета.

17

Жозефина Бейкер (урожд. Фрида Джозефин Макдональд, 3 июня 1906, Сент-Луис, Миссури, США – 12 апреля 1975, Париж) – американо-французская танцовщица, певица и актриса.

18

Миффи – маленькая девочка-кролик, герой книжек с картинками авторства голландского художника Дика Бруны.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valpi_fiona/istoriya-iz-kasablanki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)